

СИБИРИАДА

СЕРГЕЙ
ЖУК

На
ВОСТОЧНОМ
ПОРУБЕЖЬЕ

Сибириада

Сергей Жук

На восточном порубежье

«ВЕЧЕ»

2013

Жук С. В.

На восточном порубежье / С. В. Жук — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8763-1

Освоение русскими Сибири вопреки устоявшемуся мнению далеко не всегда проходило мирно и безоблачно. В 1727 году по инициативе якутского казачьего головы Афанасия Шестакова Сенат Российской империи утвердил «мнение»: «Иноземцев и которые народы сысканы и прилегли к Сибирской стороне, а не под чьею властью, тех под российское владение покорять и в ясачный платеж вводить». С этой целью на Чукотку отправилась экспедиция численностью в 400 солдат и казаков, опорной базой которой стал Анадырский острог. Во главе был поставлен Шестаков, а начальником военной команды определен капитан Тобольского драгунского полка Дмитрий Павлуцкий. Разделив свои силы на два отряда, они начали покорять Чукотку. И хотя Сенат постановлял аборигенов «уговаривать в подданство добровольно и ласкою», Шестаков и Павлуцкий отнюдь не ограничились одними переговорами...

ISBN 978-5-4444-8763-1

© Жук С. В., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

От автора	6
Глава первая. Северная Пальмира	13
1	13
2	15
3	17
4	21
5	23
6	24
7	26
8	30
9	32
Глава вторая. Обер-офицер драгунского полка	33
1	33
2	35
3	37
4	38
5	40
6	41
7	43
8	44
9	47
Глава третья. Якутский острог	48
1	48
2	50
3	52
4	55
5	56
6	58
7	59
8	61
Глава четвертая. Афанасий Шестаков	63
1	63
2	65
3	67
4	69
5	71
6	72
7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Жук

На восточном порубежье

© Жук С.В., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Далеко-далеко от родной земли, на крутом берегу Северной Калифорнии, омываемом Тихим океаном, больше двух столетий одиноким стражем на посту несет дозор русская крепость, поименованная на американский лад – Форт Росс. Журча чистой водой, протекает здесь речка Славянка, больше известная как Русская. Вот и на страницах книг Джека Лондона, жившего какое-то время неподалеку в Лунной долине, у трех холмов, находим упоминание о ней.

Сегодня старинное крепостное поселение наших соотечественников на американском континенте – это живописная парковая зона «FORT ROSS. State Historic Park». Фольклорные фестивали, которые ежегодно проводятся здесь, собирают до двухсот тысяч участников и зрителей. Многие русские американцы по праву гордятся процветающим этим оазисом национальной культуры, в то время как граждане нынешнего государства Российского – во всяком случае, те, кому известна история форта, – испытывают горечь невосполнимой утраты.

По сути нашего повествования, Форт Росс венчает продвижение русских первопроходцев к Новому Свету. Одолев, казалось, бескрайние сибирские просторы, переправившись через великий океан, они достигли северной части американского континента и устремились на юг вдоль его побережья. Здесь, в семидесяти милях от Сан-Франциско, – в географической точке с координатами 38°33' северной широты и 123°15' восточной долготы – сооружением форта – острога Росс и завершилась в 1812 году эпопея восточной экспансии России. Руководил строительством морской офицер, служащий Российско-американской компании Иван Александрович Кусков, под началом которого были высадившиеся с ним на берег 25 соотечественников и 80 индейцев-охотников. Именно Кусков поднимет русский флаг на морском утесе и станет первым комендантом крепости.

Мы еще вернемся сюда: становление Форта Росс произойдет гораздо позже того времени и достаточно далеко от тех краев, откуда мы начнем повествование. Итак, место действия – Чукотка, окраина земли Сибирской; время действия – выбрано по ряду причин – первая половина XVIII века, то есть Россия сразу после царствования императора Петра Первого.

Если за точку отсчета грядущих экспедиций взять постройку в 1587 году первых в Сибири городов-крепостей Тобольск и Тюмень, то соответственно сооружение Охотского острога в 1647 году открыло выход российским мореплавателям в Тихий океан. И как подтверждение – успешный поход на следующий год Семена Дежнева через разделяющий Азию и Америку пролив, ныне называемый Беринговым.

Задумайтесь только! Всего-навсего шестьдесят лет понадобилось России, чтобы присоединить к своим владениям земли от Уральских гор до Тихого океана. Об этом можно прочесть в романе «За Уральским камнем», первой книге трилогии.

Чукотская земля и Камчатка оказались тем рубежом, где почти на столетие затормозилось продвижение россиян навстречу солнцу. Не исключено, что Россия тогда была еще не готова к гигантскому прыжку через океан на новый континент, или ее удержали другие обстоятельства. Во всяком случае, о причинах можно теперь лишь догадываться и сожалеть!

12 июля 1645 года скончался первый царь из рода Романовых, Михаил Федорович. Весь период своего правления (на престол ступил 24 марта 1613 года) он уделял немалое внимание Сибири, подчас непосредственно вникая в ее дела. Более никто из последующих царствующих особ династии проблемами сибирскими особо не занимались, перепоручив решать их приказам, сенатам и министерствам: европейские дела привлекали и интересовали их более чем азиатские.

При Алексее Михайловиче Романове и главном фигуранте – Петре Алексеевиче (Петр Первый) история Руси насыщена множеством событий. Приведу самые значимые из них – кровопролитные, дорогостоящие и судьбоносные.

1648–1654 гг. – освободительное движение на Украине во главе с Богданом Хмельницким.

1 октября 1653 г. – Земский собор Русской православной церкви удовлетворил просьбу Богдана Хмельницкого и войска Запорожского о принятии православного украинского народа «под высокую руку» русского царя.

8 января 1654 г. – Переяславская рада постановила принять подданство «царя восточного православного».

1652–1658 гг. – патриаршество Никона. Реформы Никона – крайне неудачные как по замыслу, так и по методам их проведения – породили, в частности, раскол в Русской православной церкви, длящийся до сего времени.

1654–1667 гг. – война с Речью Посполитой из-за украинских и белорусских земель. Россия вернула себе Смоленск, все земли к востоку от Днепра. Андрусовское соглашение – большой дипломатический успех Москвы, обеспечивший прочный мир между противоборствующими державами с сохранением всех договорных условий.

1670–1671 гг. – Крестьянская война под руководством Степана Разина.

1675–1677 гг. – Неудачная дипломатическая миссия во главе с Николаем Спафарием в Китай. Спафарий отказался от того текста грамоты, которую ему предложили ближние люди богдыхана: привезенные подарки в ней назывались данью, а ответные от богдыхана – жалованьем за службу.

1678 г. – Договор России с Речью Посполитой о передаче Киева под русскую корону.

1677–168 гг. – война с Турцией и Крымом за Правобережную Украину. По Бахчисарайскому миру Киев признан российским, земли между Днепром и Бугом объявлены нейтральными.

1695–1697 гг. – экспедиция Владимира Атласова на Камчатку. Назначенный приказчиком в Анадырский острог, он составил первое этнографическое и географическое описание полуострова, омываемого с запада Охотским морем, с востока – Беринговым морем и Тихим океаном.

1698 г. – Стрелецкий бунт. Восстали стрельцы, отправленные на западную границу России из-под Азова. Около Нового Иерусалима шедшие на Москву мятежники были разбиты Преображенским и Семеновским полками. Расследование выявило причастность к бунту царевны Софьи. Множество стрельцов было казнены осенью этого же года в Москве в присутствии Петра Первого и его приближенных.

20 декабря 1699 г. – издан указ о введении с 1 января 1700 года летоисчисления от Рождества Христова.

27 мая 1703 г. (по старому календарю 16 мая) – официальная дата основания Санкт-Петербурга.

1700–1721 гг. – Северная война между Россией и Швецией за господство на Балтике, также известна как Великая Северная война.

30 августа 1721 г. – подписание между Швецией и Россией Ништадского мирного договора.

22 октября 1721 г. – принятие Петром Первым императорского титула.

28 января 1725 г. – смерть Петра Первого.

Эти даты и события приведены здесь неслучайно, вовсе не для праздного любопытства. Уважаемому читателю необходимо освежить память о тех славных, а нередко трагических событиях, которыми были насыщены XVII век и первая четверть XVIII века, в рамках которых разворачивается повествование.

Отныне Русь не дикая азиатская страна, какой ее до сих пор воспринимали в Европе, а держава современная, имперская. В упорной борьбе и силою оружия за минувшее столетие и четверть нового, XVIII века России удалось достичь многого: южные границы надежно защи-

щены от набегов крымского хана, возвращены отторгнутые в период Смутного времени территории. Основные противоречия возникали у России с Речью Посполитой. Удалось решить и эту глобальную проблему, в результате чего к России присоединилась Левобережная Украина и, что особенно значимо, возвратили Киев, символ древнерусской государственности. Но самым главным – европейского масштаба событием – явилась победа в Северной войне со Швецией, открывшая России выход к Балтийскому морю, обеспечившая статус морской державы и полноправное партнерство в международной торговле.

За столь славными деяниями восточная окраина России была забыта. Да, помнится, состоялась экспедиция Владимира Васильевича Атласова на Камчатку, следствием которой явилось присоединение полуострова к России. Но это не было осуществлением помыслов великого государя или планов Сената, а по сути, инициативой приказчика Анадырского острога Владимира Атласова, проявленной более по личной корысти, чем по долгу службы.

Академик Лев Семенович Берг писал об Атласове: «Человек малообразованный, он... обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его заключают массу ценнейших этнографических и географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков не дает таких содержательных отчетов». Действительно, многие именитые ученые отмечали, что карты Камчатского полуострова, что были писаны с его слов, несколько десятилетий были наиболее правдоподобны.

Атласов вывез с Камчатки живого японца по имени Денбей, потерпевшего крушение у тамошних берегов. Петр Первый, прослышав о спасенном островитянине, лично распорядился побыстрее доставить его в Москву. Прибывший в столицу на исходе декабря 1701 года «иноземец Денбей» – первый объявившийся в здешних краях нихондзин (или самурай – кому как нравится) – 8 января 1702 года был представлен государю в Преображенском. Переводчиков с японского в Москве, конечно, не нашлось; зато сам Денбей, проживший среди служилых казаков почти два года, уже неплохо изъяснялся по-русски. После беседы с японцем в тот же день последовал царский именной указ, в котором говорилось: «...ево, Денбея, на Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он рускому языку и грамоте навькнет, и ему, Денбею, дать в научении из русских робят человека три или четыре учить их японскому языку и грамоте... Как он рускому языку и грамоте навькнет и русских робят своему языку и грамоте научит и ево отпустить в Японскую землю».

Ученики Денбея впоследствии участвовали в камчатских экспедициях Беринга и Чирикова в качестве переводчиков. Имелась записанная в Сибирском приказе «скаска» Денбея. Кроме рассказа о приключениях самого иноземца, в ней содержалось много ценных сведений по географии и этнографии Японии, информация об общественной жизни народа Страны восходящего солнца.

Ничего не скажешь! Результативность похода Атласова не уступает экспедициям мореходов-первопроходцев первой половины XVIII века, но на тот период, о котором идет речь, она была единственной.

Особо надо отметить реорганизацию государства Российского, проведенную Петром в начале XVIII века. При прежней системе управления Сибирь находилась в ведении Приказа Казанского дворца (позже – Сибирского приказа). Последний, Сибирский приказ, имел очень широкие полномочия: ведал вопросами административными, финансово-податными, таможенными, военными и, в известной мере, даже дипломатическими (по сношениям с Китаем, монгольскими, казахскими и калмыцкими правителями).

Подчиненные приказу земли делились на уезды и волости. Во главе уездов стояли воеводы, осуществляющие власть как административную, так и военную. Наивысшей территориальной единицей был разряд, включавший в себя несколько уездов. К началу реорганизации Сибири статус разряда имели Тобольск, Томск, Енисейск, Якутск и Иркутск.

В сибирское управление, значительно усложнив его, кардинальные перемены внесла губернская реформа 1719–1724 годов. Теперь Сибирская губерния в лице губернатора через канцелярию подчинялась Сенату. Сама губерния подразделилась на Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую провинции во главе с вице-губернаторами. Далее шли дистрикты, управляемые земскими комиссарами. Однако название «дистрикты», видимо, не прижилось в русском языке, и уже в 1720 году вернулись к старым названиям – уездам с воеводами. А десять лет спустя был восстановлен и Сибирский приказ, хотя и значительно урезанный в правах: из его ведения изъяли дипломатические отношения, управление промышленностью, начальство над воинскими командами и ямскую службу.

Петр Первый, приняв за основу шведскую модель административного государственного управления, с присущими ему азартом и напористостью, ничтоже сумняшеся в собственной правоте, создавал имперскую систему для России. Узаконенная как единая на всем государственном пространстве, она таким образом уравнила, колониальные, по сути, территории Сибири с губерниями европейской части страны.

Но не будем забегать далеко вперед: всему свое время. Читая роман, попытаемся разобраться в тех событиях, что происходили в первой половине XVIII века в далеких северо-восточных землях России. Там, где радениями нашими и Божьей милостью, полуостровами Чукотским и Камчатским, Курильскими островами и по сей день, заканчивается Русская земля.

Несмотря на то, что русские поселенцы уже основательно утвердились на северо-восточной оконечности азиатского материка, правители России да и научные умы обеих столиц не имели достаточно ясного представления о географическом положении этих территорий. В своих отписках первопроходцы, в лучшем случае обученные грамоте, сведения сообщали крайне скудные. Расстояние, к примеру, измерялось временным интервалом пути. Так, путь от Петербурга до Охотского острога мог занять до трех лет. Определенно звучало лишь направление движения – «встреч солнцу».

Участники экспедиции, в которой участвовал Семен Иванович Дежнев, как и все первопроходцы, занимались поиском новых земель для промыслов соболя и рыбьего зуба. Будучи потомственным помором, имея большой опыт плавания в северных морях, Семен Дежнев оказался более, чем кто-либо, удачливым. Многие его сотоварищи потерпели крушения во льдах и погибли, ему же удалось морским путем от устья Колымы пройти пролив между Азией и Америкой, обогнуть весь Чукотский полуостров, миновать Анадырский залив и достичь отрогов Корякского нагорья. Столь протяженным и удачливым маршрутом не может похвастаться ни одна последующая экспедиция. Однако главной, наиболее важной, своей находкой Дежнев счел обнаруженные им в устье реки Анадырь громадные моржовые лежбища и скопления заморной кости (бивней погибших зверей). К сожалению, отчеты об экспедиции выдающегося морехода, добытые им материалы, касающиеся географии путешествия, пылились в канцелярии Якутского воеводства почти 90 лет, пока в 1736 году не были востребованы историком Сибири Г.Ф. Миллером.

Выходцы из Поморья, без сомнения, первыми узрели воочию Чукотский нос, остров Святого Лаврентия, берега Аляски. Чукотский полуостров, Камчатку, Курильские и Алеутские острова и даже берега Японии и устье Амура. Но доходившие до Санкт-Петербурга их восторженные сказания о чудном крае, карты местности, выполненные от руки, не пользовались каким-либо доверием, пробуждая в лучшем случае слабый интерес к далеким землям.

Определиться с местонахождением восточных пределов России можно было только путем геодезической съемки тех земель. Первые попытки в этом направлении были сделаны по указанию Петра Первого.

Еще в 1697 году молодой русский царь, возвращаясь из Голландии в Москву, посетил Ганновер, где повстречался с Готфридом Вильгельмом Лейбницем. То был самый великий

ученый конца XVII века, если не считать Ньютона. По-видимому, встреча эта была одинаково интересна и для того, и для другого. Из бумаг, сохранившихся у Лейбница, видно, что ученый убеждал царя в необходимости составлять карты, производить астрономические наблюдения, изучатьклонения магнитной стрелки. И главное, на чем настаивал и к чему призывал, – исследовать берега Северо-Восточной Азии, дабы узнать, соединяется ли Азия с Америкой, или же они разделены проливом. И Петр дал Лейбницу твердое обещание исполнить все, что тот советует. Слово свое российский правитель сдержал, хотя и нескоро.

В 1719 году, согласно царскому указу: «...До Камчатки и далее описать тамошние места, где сошлась ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все исправно на карту поставить», в экспедицию отправились геодезисты из числа первого, досрочного, выпуска Петербургской морской академии – Иван Михайлович Евреинов и Федор Федорович Лужин. Славные сыны отечества обследовали и нанесли на карту всю северную половину Курильской гряды. Их труды легли в основу первой карты Сибири и дальневосточных районов России, основанной на инструментальной съемке. Евреинов и Лужин впервые определили координаты 33 пунктов Сибири, Камчатки и 14 островов Курильской гряды (до острова Симушир).

Полученные результаты изумили ученый мир и столичных вельмож. Все свидетельствовало о близости к российским границам Японии, Китая и Индии и реальной возможности достичь их морским путем.

Впрочем, интерес к восточным землям у Петра Первого пробудился гораздо раньше. Еще в 1713 году Федор Степанович Салтыков, один из образованнейших людей того времени, представил государю свои знаменитые прожекты о необходимости освоения северных окраин России. Грандиозный план предусматривал становление Северного морского пути как торгового маршрута в восточные страны. Причем, учитывая огромный опыт поморов, замысел не был фантастикой. Устройство острогов как перевалочных пунктов в устьях рек Оби, Енисея, Лены, Калымы, Анадыри и других – на юг, вплоть до Амура, строительство судов в каждом пункте – все это обеспечивало сезонную перевозку грузов по морю в прибрежных водах России.

Как это ни грустно, но после запрета хаживать морским путем на Мангазею наши поморы тем не менее тайно продолжали походы, а для государства Российского Северный морской путь стал неведом.

От России, что заявила о европейском статусе, проинспектировать Северный морской путь требовала и Парижская академия наук, в личных письмах к Петру ту же просьбу изложил знаменитый философ и математик Лейбниц. Был еще один факт, заставляющий узаконить восточное побережье России. Это боязнь французских, испанских или английских экспедиций, что явятся к тем берегам, снимут их геодезию и присвоят себе столь притягательные территории согласно европейской законности колонизации земель.

Не будем судить великого правителя за то, что он вновь обратился к насущной проблеме лишь на предсмертном одре. За несколько недель до смерти в беседе с генерал-адмиралом Федором Матвеевичем Апраксиным император молвил: «...я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградив отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусство и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»

Согласно многим источникам именно после этого разговора император сам определил задачи Первой Камчатской экспедиции и руководителем ее назначил Витуса Ионассена Беринга. Царь Петр скончался 28 января 1725 года, а несколькими днями ранее, 24 января,

Беринг сотоварищи отправились в Сибирь. Продвигались с огромными трудностями, хотя и сложившимися к тому времени маршрутами. Только в 1727 году люди и грузы прибыли в Охотск.

Не стоит кривить душой и восхищаться якобы грандиозностью результатов этой экспедиции: их попросту нет. Причина тому – тяжелейшие условия как природные, так и житейские. Слабо подготовленные, плохо экипированные путешественники оказались в сложнейших климатических условиях, причем местное население крайне враждебно отнеслось к пришельцам.

Шел второй год, как Первая Камчатская экспедиция ушла в сибирские дали. Пространные отписки в Санкт-Петербург следовали одна за другой. Все они сообщали о невероятных трудностях, испытываемых путешественниками, – непроходимых дорогах, холодном и голодном существовании, а главное, – о непрерывной угрозе их жизни со стороны аборигенов Чукотки и Камчатки. Словом, экспедиция вынуждена была свести выполнение поставленных перед ней задач к минимуму.

Чукчи и камчадалы оказались народами, способными проявить ожесточенное сопротивление и остановить экспансию русских. Экспансию крупнейшего государства, недавно победоносно закончившего европейскую войну. Те события, о которых пойдет речь в романе, глубоко трагичны. Всячески умалчиваемые, они по разным причинам предавались забвению, умышленно изымались из исторического прошлого России. Но это несправедливо по отношению к исконному населению окраинных земель государства, к участникам и жертвам тех событий, а также лишает каждого из нас возможности достоверно оценить то, что в собственном отечестве было, и постараться понять, что еще может произойти.

Нельзя вырывать из истории даже страницу: это приводит к печальным последствиям особенно в отношении народов, живущих и ныне с нами по соседству в так называемом ближнем зарубежье и непосредственно на территории Российской Федерации.

Истина заключается в понимании тех далеких от нас событий. Через осознание случившегося приходит прощение, рождается дружба. Общая история, пускай порою трагичная, сближает народы, помогает установить между ними добрососедство и даже объединяет в единые семьи.

Описанные в романе события – не вымысел автора, основанный на каком-либо старинном предании; сюжет основан на фактах, воссозданных из множества первоисточников и работ уважаемых историков. Поверьте! Сочинительства в данном произведении крайне мало. Приходится лишь удивляться, до какой степени переплетены судьбы людей, а сами события тех лет наполнены драматизмом. Содеянное в первой половине XVIII века – уже готовый романтический сюжет, насыщенный героями, интригами, приключениями и мистикой.

Сложность работы автора состоит в том, чтобы за всем этим информационным потоком разглядеть человеческую личность и объяснить ее поступки. Это крайне сложно, ведь дошедшая до нас информация противоречива и несет отпечаток интересов, характера самого сочинителя и отправителя.

Все основные события романа происходят на Чукотке и Камчатке, по своему самобытных окраинных землях России. Наиболее близкие друг к другу территориально, они весьма разнятся во всех отношениях. Один из первых исследователей тех мест Степан Крашенинников писал о крае так: «О состоянии Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли ее больше или важнее преимущества. Что это бесхлебное место и не скотское, что великим опасностям от частых землетрясений и наводнений подвержено, что большая часть времени проходит там в беспокойных пагодах, и что там увеселение смотреть на превысокие и не тающие снегом покрытые горы, или живучи при море слушать шум морского волнения, и глядя на разных морских животных, примечать нравы их, и взаимную вражду и дружбу, то кажется, что она страна больше к обитанию зверей, нежели людей, способна. Но, ежели напротив того, взять в рассуждение, что там здоровый воздух и воды, что нет ни спокойствия от летнего жару и

зимнего холода, нет никаких опасных болезней, нет страху от грома и молний и нет опасности от ядовитых животных, то должно признаться, что она к житию человеческому не меньше удобна, как и страны всем изобильные».

Глава первая. Северная Пальмира

Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения.

А.С. Пушкин

1

Этот рассказ начинается осенью 1724 года. Осень – и ныне не лучшее время для Северной столицы. Ветер, непрерывный дождь превращают яркие осенние краски в полутона. А тогда было и того паче! Природный ландшафт устья Невы уже стерт с лица земли великим реформатором, уже исполинские каменные дворцы на века застыли во всей своей красе, но до гранитных мостовых, ажурных мостов и цветущих, благоухающих парков было еще далеко. К тому же дождливая промозглость, студеный, доносящийся с Финского залива ветер так и не стали привычными для жителей Северной Пальмиры, а потому изрядно портили им настроение.

Но среди столичного многолюдства был человек, которого восхищало все и особенно именно многолюдство русичей, что тысячами сновали вокруг, не обращая на него никого внимания. Был то не праздный простолюдин, а казачий голова Якутского острога Афанасий Федотович Шестаков.

Не молод уже казак: пятый десяток на исходе. За время службы, хотя и не занимался лихоимством, как другие, а все же скопил для себя соболью казну, причем немалую. Всю жизнь в Сибири службу нес, правда, в особливые чины не вышел. Теперь можно, конечно, и в отставку подаваться, на печи бока греть да с наложницей-иноземкой услаждаться; так нет – как усидишь, коль мыслей да планов в голове громадь? Якутские зимы долгие, времени поразмыслить о житье-бытье предостаточно. Великие прожекты по обустройству самых окраинных, диких и неведомых, земель Чукотки, Камчатки и других заморских далей, не дают покоя казаку.

Хоть и не обучался казачий голова в академиях, но грамоте сподобился. Более того, скопил целый сундук записей, карт, планов, и собственные предложения отписаны им ясно и толково.

Охота пуще неволи! Вот и собрал свои пожитки Афанасий Шестаков и отправился из Якутска в стольный град Петра. Ведь что примечательно и в большой ныне редкости: подался в путь сей казак не из-за собственной корысти, а за ради государевой пользы и всего края того восточного. Замахнулся Афанасий попасть к самому императору Петру Алексеевичу. Да и почто сомневаться: всегда на слуху было, сколь интересны Петру эти земли! И еще ведомо Афанасию, что о краях тех у нынешних сенаторов и ученого люда знаний и понятий нету.

В поддержку инициативы казачьего головы якутский воевода, лейб-гвардии капитан Михаил Измайлов – можно даже сказать, советник и сторонник Шестакова – перед отъездом того в стольный град сообщил в Сенат следующее: «Якутские казаки находят на восточных и северных морях и около Камчатской земли многие острова, иные пустые, другие многолюдные, а в Анадырском и других носгах и в прилегающих к российским владениям землях еще имеются многие непокоренные под российскую державу иноземцы».

Дальше Тобольска Афанасию бывать не приходилось. Сюда от Якутска быстрее чем за два года не добраться. Но вот то, что от Тобольска до Санкт-Петербурга ходу еще несколько месяцев, стало для него неожиданностью. Добро то, что соболей в достатке скопил и в дороге не бедствовал.

Поистрепался одежей за дорогу Афанасий, но, слава Богу, добрался до Северной Пальмиры живым и здоровым, что нельзя было сказать о российском императоре. Занедужил аккурат к приезду якутского головы неугомонный правитель, отошел от дел, переложив их на Сенат да сподвижника своего, Александра Даниловича Меншикова.

Ох, и хлебнул горя поначалу Афанасий Шестаков, пока не свыкся с местной модой и нравами. Кургузый сюртук на его кряжистой фигуре смотрелся карикатурно, парик и штиблеты на толстой подошве – сплошное неудобство, а от коротких портов и чулок казак и вовсе чуть со стыда не сгорел. Но ничего не поделаешь: таков ныне этикет, тем паче, что лишь в сем скоморошьем виде пускают в присутственные места. Ладно, что от чулок и штиблетов все же отбился, заменив их длинными ботфортами. Пришлось-таки побывать и у брадобрея. Тот, уже привыкший к сей мужичьей проблеме, сам предложил компромиссный вариант, оставив усы и основательно укоротив бороду. Однако, если откинуть все предрассудки, Афанасий стал выглядеть моложе и импозантнее. А когда еще пообвыкся, даже заменил соболью папаху и шубу на модную треуголку и плащ, избавив себя таким образом от завистливых взглядов обывателей.

Не так ли и Петр Великий некогда затащил силком Русь в богатую европейскую лавку и давай на нее напяливать все подряд – лишь бы ярко да ново? Что уж совсем не лезло, пришлось отбросить, а все остальное – будьте добры! Стерпится – слюбится.

2

Отставной казачий голова гостевал в доме вдовой купчихи на Литейном. Та держала скобяную лавку в жилом районе, застроенном деревянными домами, где проживали служащие и рабочие Литейного двора. Место ладное, люд все более трудовой да служивый. По первости долго пыталась Афанасия. Что да как? Пока все не разузнала. А разузнав, успокоилась и даже осталась довольной. Постоялец оказался вдовый: прибрал Господь его женку во время первых родов, сохранив наследника. Своими стараниями да с мирской помощью поставил вдовец сына на ноги. Теперь тот уже мужик, сам служилый казак в Якутске.

Купчиха Авдотья Марковна цену за постой назначила малую, правда, обязав казака следить за порядком в лавке и пресекать всяческое воровство. Своим-то служакам молодуха не доверяла: побаивалась душегубства, а тут казачий голова на постой пожаловал, да еще по протекции сродного брата, что нынче служит приказчиком в далеком Сибирском остроге.

Худо ли, бедно, но обвыкся Афанасий Федотович Шестаков на новом месте, притерпелся к многолюдству и со столичными нравами смирился. Еще Якутский воевода, лейб-гвардии капитан Михаил Петрович Измайлов, разъяснил Афанасию, что челобитную надобно подавать в Кабинет Его Императорского Величества; а кабинет сей Петр Алексеевич держит, как правило, возле себя. От служащих Литейного двора узнал голова, что царь нынче пребывает в Зимнем дворце на набережной Невы: по причине недуга более нигде не появляется.

Шел январь 1725 года: миновали новогодние праздники, Рождество Христово.... На сей раз в стольном граде обошлись без фейерверков и ассамблей: государь болел, страдая тяжко, – в меру по грехам своим – и Северная Пальмира пребывала в унынии.

Для бывшего Якутского головы это был первый выход в центр Санкт-Петербурга. Прямо скажем, поступок нешуточный по смелости и исключительный по силе впечатлений, особенно если вспомнить сибирские корни Афанасия, его службу в самых удаленных острогах.

Пройдя вдоль Литейного, по прилегающим к нему улочкам и переулочкам, Шестаков оказался на Невском проспекте, чаще именуемом на итальянский манер – Невская першпектива. В тот год строительство здесь кипело, и по размаху его можно было судить о грандиозном замысле зодчих.

Много необдуманных, а то и жестоких деяний на счету Петра Великого, заслуживших самое суровое осуждение; но вот, пожалуй, за что никогда не будут на него роптать потомки, так это за воздвигнутый город на Неве. Не ошибся Петр, выбирая при застройке Северной столицы итальянское направление в архитектуре – изящное, сдержанное, гармонично сочетающееся с православием, русской духовностью и суровостью климата. Хотя не все задуманное царем-новатором осуществилось. Можно даже сказать – к счастью. К примеру, его неумное желание заставить горожан перемещаться исключительно по каналам и рекам вместо того, чтобы наводить мосты.

В молодые годы государю довелось много колесить по Европе, но более всего впечатлили его Венеция и Амстердам. Вот и решил своенравный Петр, что новая российская столица будет чем-то средним между теми городами, а жителей он непременно приучит к плаваниям, прежде всего под парусами.

Правда, с Амстердамом ничего не вышло: как-то не получилось совместить узкие кривые улочки, каменные холодные строения с остроконечными шпилями и широкую русскую душу, требующую прямолинейности и простора. Одним словом, в Петербурге наличествует величие свободного пространства, напрочь отсутствующее в крошечной Голландии. Зато Венеция своими традициями, творчеством несравненных итальянских архитекторов Доменико Трезини, Бартоломео Франческо Растрелли, Георга Иоганна Маттарнови внесла богатую лепту в облик русской Северной столицы.

Многих поэтических эпитетов удостоена Венеция: Серениссима, что означает Светлейшая, Жемчужина Адриатики, Южная Пальмира. И Санкт-Петербург заслуженно стали называть Северной Пальмирой.

3

Невская перспектива глянулась Афанасию своей шириной и прямолинейностью.

– Да! То, конечно, перспектива! – сам для себя сделал вывод казак. – Наша улица узкая да кривая, как змейка. А тут во как!

Действительно, Невский, став главными городскими воротами города с Новгородского направления, стрелой устремился в самое сердце Санкт-Петербурга, в Адмиралтейство. Ныне закончили мостить перспективу булыжником от центра до реки Фонтанки, возвели через нее как нельзя кстати мост – большая все еще редкость для города.

Невский застроился дворцами с особой поспешностью: все же подальше от воды русскому человеку сподобнее. Во всей своей первозданной красе поднялись Казанский и Исаакиевский соборы. Подобного чуда великого Афанасию не только не приходилось видеть, но даже о существовании его на Руси он не подозревал.

Несколько искусственных каналов, словно прочерченные по линейке, пересекали Невскую перспективу. Летом по водной глади снуют всевозможного вида малые суда, а сейчас скованные льдом каналы сами по себе – удобная переправа для пешеходов.

– Видимо, прорыты для обороны от врага, – рассудил Афанасий, – но и для сброса талых вод пригожи будут.

Печата шаг, по мостовой прошел отряд гвардейцев. Дюжие хлопцы, затянутые в добротные суконные мундиры, топали весело, с огоньком, бравирюя выправкой перед девками и праздными зеваками. На плече у каждого гвардейца висели новенькие ружья неведомой Афанасию системы. Он последовал за отрядом гвардейцев, свернувших к дворцу на Мойке. Здесь они остановились и в ожидании дальнейших приказов закурили трубки по последней гвардейской моде.

– Извиняйте, господа гвардейцы, за любопытство, – приблизившись к ним, заговорил Афанасий. – Вразумите, что за самопалы такие невиданные.

– Во темень! – засмеялись гвардейцы. – Ты что, с Урала приехал?

– Ох, братцы, еще далее, из Якутской да Анадырской земли, – вздохнув, отвечал отставной казачий голова.

Услышав незнакомые названия, гвардейцы поутихли, а один из них пояснил:

– Это, дядька, фузеи с кремневым замком, а штык, глянь, трехгранный! Смекаешь?

– Как, сынок, не смекать, если у меня три раны имеются от трехгранных наконечников, коими якуты попотчевали.

Афанасий Шестаков со знанием дела разглядывал оружие гвардейцев, закончив осмотр.

– А у нас, в острогах, по сей день фитильные самопалы в ходу, о таких фузеях даже не ведаем. Чьи же это хоромы будут, не самого ли императора? – полюбопытствовал Шестаков.

– Нет, Петр Алексеевич ныне в Зимнем дворце – недалеко отсюда – обитает, болезный; а это дворец князя Меншикова, его сотоварища. Вон, глянь, карета светлейшего из ворот выезжает.

Из ворот под охраной конных уланов выкатилась рессорная карета и, громыхая по мостовой железными ободами, покатила в сторону Адмиралтейства.

– Опять понесла нелегкая чертяку, – выругался кто-то из прохожих, добавив сердцах: – Небось к своему антихристу-императору? Тьфу! Будь оба неладны!

Удивленный Афанасий закрутил головой в поисках злобного врага государя и даже был готов со всей поспешностью схватить его, но тот уже успел скрыться в толпе, мелькнув то ли мужичьим зипуном, то ли монашеским рубищем.

Скоро Шестаков достиг Зимнего дворца, красующегося на берегу Невы. За сегодняшний день Афанасию довелось увидеть много дивных хором, но дворец емуглянулсяособо, ведь то была хата самого императора Петра Алексеевича!

Фасад дворца был украшен причудливыми лепными фигурами, боковые симметричные строения увенчаны двухъярусными высокими крышами, примыкающими к более высокому центральному зданию с четырьмя коринфскими колоннами. Дворцовая набережная с деревянным настилом от воды была ограждена каменными перилами и украшена затейливыми скульптурными группами. В нескольких местах сквозь ограду были устроены лестничные спуски к воде. С другой стороны к дворцу примыкал небольшой сад с фонтаном, устроенном на пересечении диагональных дорожек. Там Афанасий разглядел крошечную гавань, соединенную каналом с руслом реки. Сей канал, как выяснилось, именовался Зимней канавкой и был оборудован подъемным деревянным мостом.

Но вот подойти к дворцу ближе, тем более к входу, не было никакой возможности. Карательные – гвардейцы Преображенского полка – пропускали только членов императорской семьи и наиболее приближенных вельмож.

– Эко собралось родственников у императора! Даже племянница Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская, пожаловала. Этак и места в царских хоромаш на всех не хватит!

Афанасий, затесавшись в толпу зевак, с интересом прислушивался к их замечаниям и наблюдал за происходящим.

– Тяжко страдает император! Сказывали, что ночью его крик на набережной был слышан.

– По грехам и страдания! Сколь люду загубил, сколь глумился над верою нашей!

– Гвардейцев вокруг Зимнего собралось поболее, чем в Петропавловской крепости солдат!

– То Меншиков окружил дворец стражей. Бойтся светлейший власти лишиться.

Внимание Афанасия Шестакова привлекла оживленная, явно чем-то озабоченная группа людей. Оказалось, из дворцовой прислуги. Спустившись на лед ближнего пруда, мужики принялись его колотить, спешно выбрасывая куски на берег. К ним присоединились большим числом гвардейцы, и скоро пруд около гавани, Дворцовая канавка и даже часть Невы вдоль набережной были очищены ото льда. В гавани спустили на воду небольшой шестивесельный бот.

– Что происходит? – полюбопытствовал Афанасий у одного из гвардейцев.

– Петру Алексеевичу полегчало! – радостно сообщил солдат. – Может пожелать по воде прогуляться, вот и велели лед взломать. А тебе чего надобно? Гляжу, давно уже здесь толкаешься.

– Мне бы, браток, в Кабинет Его Императорского Величества челобитную подать. Может, подсобишь, а я уж отблагодарю!

– Во дворец сейчас лишь по личному приказу князя Меншикова пускают, – засмеялся служивый. – Да и не к чему тебе сюда: съехала канцелярия.

– А мне теперь куда податься, и далеко ли она, комиссия, съехала? – растерялся Афанасий.

– Шут ее знает! Ты бы лучше ступал отсель. Тревожно ныне здесь. Вон, видишь, офицер наш идет, а мы тут лясы точим. Враз взащей надает.

И действительно, по аллее сада вышагивал молодой офицер. Сразу было видно, что взащей давать он никому не собирается, так как весь светился радостью жизни и здоровьем. То был поручик лейб-гвардии Семеновского полка Алексей Яковлевич Шубин. Наскучив сидеть в караулке, поручик вышел размяться. Заметив, что его гвардейцы разговаривают с посторонним, решил сделать замечание более от безделья, нежели по уставу службы.

– Почему у дворца посторонние? – строго спросил он.

– Тут казак спрашивает, где ныне искать императорскую канцелярию. Челобитную ему треба подать, – доложил гвардеец.

Шубин развернулся лицом к Афанасию и долгое время с любопытством рассматривал явно издалека приехавшего ходатая.

Было видно, что оба довольны первым впечатлением, произведенном друг на друга. А невидимые, неизведанные, судьбоносные ниточки уже связали этих людей.

Алексей Шубин, высокий, светло-русый, голубоглазый, воплощал собой здоровье и оптимизм. При взгляде на таких красавцев, добросердечных и жизнерадостных, у окружающих поднимается настроение, а у женщин к тому же возникает душевное томление. И пусть не все эти мужчины – самые обаятельные и привлекательные – блещут умом, зато своей открытостью, умением блистать в обществе доставляют окружающим только радость.

Шубина – бодрящегося, но все-таки усталого немолодого казака, просоленного морскими водами, закаленного северными ветрами и морозами – Афанасий воспринял как человека, явившегося из другого мира. Ну никак он не вписывался в рамки дворцового этикета. От него, несмотря на новый столичный наряд, словно исходил дух свежий и дикий, тот дух, что терпок и одновременно сладок. В его поведении и намека не было на суетливость, которая уже отравила столичных жителей.

– На Васильевском острове ищи канцелярию. Бумаги велено было свезти в новой здание, где ныне коллегии обосновались и Сенат заседает, – доброжелательно пояснил поручик и полюбопытствовал: – А ты сам кто будешь?

– Из Сибирской губернии, Афанасий Шестаков буду. Казачий голова Якутского острога, что на реке Лена стоит. Слыхали?

– Нет, браток, не слышал, – задумчиво произнес Алексей Шубин.

Неожиданно ему стало грустно, и защемило в груди. Он даже удивился столь необычным для него ощущениям.

– Припоздал ты, казак, с прошением. Ныне время тревожное, Петр Алексеевич хворает шибко, не до тебя ему. Да и все как с ума посходили. Ступай с Богом!

Более им встретиться в жизни не доведется, но их судьбы соединились крепко и последуют одна за другой, обреченные на великие испытания.

Мимолетное дуновение грусти у Алексея Шубина развеялось тут же, как вспомнилась милое сердцу чело царевны Елизаветы Петровны. После последней ассамблеи, устроенной Петром на рождество, где он и Елизавета так ловко отплясывали всяческие менуэты, кадрили, а потом и русскую, их отношения получили бурное продолжение. Вот уже более месяца он пылает любовью к прелестной и легкомысленной царевне. Страсть слилась воедино с ответной, не менее обильной и радостной, так что все происходящие вокруг события для молодых людей казались пустой суетой по сравнению со все разрастающимся их взаимным чувством. Елизавета даже сочинила стихи и подарила их Шубину. Теперь листок с рифмованными строками, написанными ее рукой, он хранит всегда возле сердца.

Всякий рассуждает, как в свете б жить,
А недоумевает, как с роком бы быть:
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда друг не зрится, лучше б жизнь лишиться
Вся-то красота.
Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем я болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно,
Легче б ты не знати, нежель так страдати
Всегда по тебе.

И то правда, не было причин горевать поручику лейб-гвардии. Елизавета – прелестное создание; и хотя ее высокое положение и вносит определенные нюансы в их отношения, зато повышает в свете к ним интерес, да и статус поручика в офицерской среде сразу подрос.

4

Миновала неделя, прежде чем Афанасий Федотович Шестаков продолжил поиски канцелярии. Да и как иначе, если обязанностей по хозяйству становится все более, а в отношениях с хозяйкой Авдотьей Марковной наметились серьезные перемены. В постояльце она души не чаяла, люб оказался якутский казак, да и без мужика и наследников сгинет ее хозяйство. Вот и замыслила окрутить мужика. Дюж еще сибиряк: враз бабу обрюхатил, не в обиду, будь сказано, усопшему муженьку.

Авдотья, баба еще молодая, рожать в самую пору, а Афанасий, хоть и в годах, но под венцом не хаживал, все бобылем на службах маялся. Чем не пара? Если говорить об Афанасии, то ему Авдотья тоже любая, и теплая, сытая жизнь сладка оказалась.

– Не буду мешать Афанасию, – рассудила баба. – Пушай со своими прожеками побегает. Знаем мы наших сенаторов: до них не достучаться. Умается, любый, да успокоится.

На Васильевский остров добраться – задача серьезная. Движение по городу, изрытому каналами, крайне затруднительно. Впрочем, сами каналы и реки, скованные льдом, представляются Афанасию Шестакову наилучшими дорогами: уж где-где, а в Сибири к ним привыкаешь, там, кроме них, ничего более и нет.

Привычно запряг казачий голова в сани хозяйскую саврасую кобылу – и ходу.

Миновав улочками и переулками Литейный, саврасая вынесла сани на лед Фонтанки. Повеселел Афанасий: это тебе не пешком по незнакомому городищу шастать. Там только и гляди, чтобы не заплутать или от ямщика проезжающей кареты кнута не схлопотать. Лед, конечно, не как в Сибири – жидковат, но ничего, сани держит.

Скоро с левой стороны потянулся сказочной красоты лес. Афанасий сразу смекнул, что это сад – летняя резиденция царей. Вон и здание дворца просматривается. Поскромнее и меньше Зимнего будет, но столь же ухожен и в окружении сада смотрится дивно.

Миновав Летний сад, казачий голова выехал на лед Невы напротив Петропавловской крепости и вдоль уже знакомой Дворцовой набережной направился к Васильевскому острову. Поспешая, Афанасий даже не обратил внимания на то, что карет и гвардейцев возле Зимнего дворца стало еще более.

Приблизившись к Васильевскому острову, он сразу разглядел длинное здание в три этажа. Строительство его еще продолжалось, но в готовой части чувствовалась жизнь. Редкие сани и скромные повозки свидетельствовали о малолюдстве. И действительно, зайдя в здание, Афанасию Шестакову пришлось долго хаживать по коридорам, прежде чем отыскал достойного внимания службу.

– Мне бы кого из дьяков или приказчиков. Челобитную треба подать императору Петру Алексеевичу, – молвил он.

Служка высокомерно глянул на Афанасия и с достоинством молвил:

– Ныне в коллегии я за старшего. Господа сенаторы отсутствуют, и другие чины в трауре по домам пребывают.

– Что же такое стряслось, подскажи, браток, а то не ведаю! – теряясь, спросил Афанасий.

– Государь наш, Император Российский Петр Алексеевич скончался вчерашнего дня, – торжественно и громко произнес служка. – А вы убирайтесь отсюда: не велено никого пускать, при мне даже солдат при оружии состоит, враз его кликну.

Служка разошелся не на шутку, с каждой минутой все более осознавая свою значимость и, главное, поджилками чуя возможность поживиться.

– Ты уж извиняй, если что не так, но дело у меня важное и любопытное для государева достатка. Доношу о землях невиданного богатства и народах немирных, что государевой вла-

сти чураются. Пособи мне в деле сем. Чтобы исправно попала моя отписка в государеву канцелярию, а я уж в долгу не останусь. Глянь, какие соболя припас для такого дела.

Афанасий достал из мешка вязанку соболиных шкурок. Темный мех расстелился волной и засверкал. От сей невиданной красоты служка просто обомлел: таких подарков он в жизни не видывал.

– Справим! Все достойно справим! Прощения прошу, как вас величать прикажете? – залебезил приказной служка.

– Ежели полностью, то Афанасий Федотович Шестаков буду. Служил в Якутске казачьим головою.

Надо отдать должное нашему канцелярскому работнику, что к делу он отнесся со всем вниманием. Тщательно заполнив журнал, приложил грамоты и карты, представленные Шестаковым, и выдал ему расписку с печатью канцелярии. По ней можно всегда справиться о судьбе дела. Он даже в специальной графе сделал пометку о наивысшей важности, не забыл вписать и адрес, где пребывает податель сих бумаг.

Но, несмотря на все старания, бумаги надежно и надолго примостились среди груды других прошений, а Афанасий, набравшись терпения, отправился на Литейный, неожиданно-негаданно ставший его домом.

5

Петр Алексеевич скончался 28 января 1725 года, не оставив после себя завещания. Забыв о делах, петровские последователи во главе со светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым принялись за обустройство новой власти, в результате которого владычицей Руси, Императрицей была провозглашена вторая жена Петра, Екатерина I. Следом члены победившей партии начали делить портфели, звания, награды и прочее, запамятавав, по сути, о государственных делах.

Начинающим Шестакова, как и многим другим, не имевшим поддержки сильных мира сего, суждено было в те годы пребывать в забвении и отправиться в архив. Челобитная Афанасия Федотова при везении стала бы лишь достоянием исследователей последующих поколений, если бы не его величество случай.

Скучающий от безделья секретарь Сената Кирилов Иван Кириллович, будучи далеким от придворных интриг, бродил по комнатам здания Двенадцати коллегий. Геодезиста и географа по образованию, его в настоящее время интересовала судьба Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

Напомним: 23 декабря 1724 года Петр подписал указ о снаряжении экспедиции для изучения тех мест, где Азия сошлась с Америкой. Выполняя царскую волю, Беринг сотоварищи 24 января 1725 года покинули Санкт-Петербург и отправились курсом через Сибирь в Охотск. Оттуда собирались морем попасть на Камчатку и далее совершить плавание на судах в поисках пролива между материками. Заметьте, за несколько дней до смерти Петра. Теперь их судьба занимает Кирилова более других.

Минуло полгода, а от первопроходцев ни слуху ни духу. Убедившись в том в очередной раз, Иван Кириллович зашел в кабинет, где после кончины Его Императорского Величества скопилось множество бумаг, ждущих своей участи.

Листая журнал, Иван Кириллович обратил внимание на регистрационную запись челобитной некоего Якутского головы, а более – на название мест: Чукотский нос, Анадырский залив, Камчатка. Без затруднения отыскал остальные бумаги Афанасия Шестакова, среди которых обнаружил рукописную карту тех земель.

Бегло взглянув на нее, первый географ государства Российского, к своему крайнему удивлению, увидел очертания земель, ему неизвестных, на поиски которых и направилась экспедиция Витуса Беринга. Начертав в журнале резолюцию, согласно которой челобитная должна быть отправлена в Сенат, Иван Кириллович удалился, забрав с собой все рукописи Шестакова.

«Удивительные дела творятся подчас, – рассуждал он дорогой. – Появился этот казак на полгода ранее, для экспедиции Беринга куда как способнее было. Хотя о чем я?! У нас зачастую при одной голове, правая рука и не ведает, чего творит левая. Посоветуюсь с вице-адмиралом Сиверсом. Он сейчас человек влиятельный, на место Апраксина метит, а именно у Адмиралтейства главный интерес к восточным и северным морям. Может, еще сгодится казак со своими планами замирения тамошних народов. При подготовке экспедиции Беринга то, что на северо-востоке проживает некий незамиранный народ чукчи, и в расчет не брали. Мало ли по Сибири диких инородцев балует!»

6

Между тем время бежало быстро, а вот дела не поспешали. Летом 1726 года челобитная Афанасия Шестакова продолжала пылиться в Сенате, не то чтобы забытая, а в ожидании своего часа.

Сам казачий голова продолжал обитать на Литейном. Авдотья оказалась бабой расторопной: этому времени успела родить девочку и повенчаться с Афанасием. Сии дела на Руси делаются куда проворнее, нежели государственные. Сам Афанасий не противился судьбе, раздобыл, приобрел лоск столичного купчины и лишь изредка, более для солидности, отправлялся в Сенат проводить о делах, где получал один и тот же ответ:

– Ожидайте! Челобитная у высокого Сената на рассмотрении! С Литейного не съезжайте, вас непременно пригласят!

Но на этот раз его остановили в приемной.

– Вашу персону, – важно произнес в нос приказчик, – желает видеть господин секретарь Сената Иван Кириллович. Соизвольте его дождаться для аудиенции.

Несмотря на незнакомые слова, Афанасий уразумел все же значение сказанного и, расположившись на лавке, стал дожидаться таинственной аудиенции. Он даже задремал. Когда уже вечерело, ему удалось встретить знакомого приказчика, по всему, собравшегося уже удалиться восвояси.

– Вечерять уже треба! – как можно любезней заметил Афанасий. – А как же аудиенция?

– Велено ждать! – категорично заявил приказчик.

Заночевать в коридорах здания коллегии казачьему голове не удалось, хотя так ему казалось вернее, тем более что харчей прихватил по старой привычке дня на три. Караул, заступивший на ночное дежурство, выставил его на улицу, объяснив, что впустят лишь завтра поутру, с прибытием смены.

Афанасий прошелся вдоль здания Двенадцати коллегий, для верности пересчитав трехэтажные строения, что стояли, как близнецы, единой замкнутой стеной. Их оказалось действительно двенадцать, и это почему-то очень его обрадовало. Вдоль фасада коллегии был прорыт канал и через него перекинута два мостика, доступные для проезда экипажей. Широкая улица, вдоль и поперек изрытая колеями, выглядела грязной и неудобной: до мостовых на Васильевском острове дело еще не дошло.

После смерти Петра Великого минуло всего-навсего около полутора лет, а некоторые планы его по обустройству столицы, выпестованные и взлелеянные, как другие – не менее значимые, стали замалчиваться и беспардонно быстро вытесняться из жизни.

Афанасию как человеку со стороны это особенно было заметно. Ведь совсем недавно он диву давался, как многочисленные мелкие гребные и парусные суда снуют по каналам и протокам Невы. Тут тебе и извоз, и свой выезд, что стоит у причала близ хаты.

В свое время, согласно именному указу императора, была построена в Санкт-Петербурге Партикулярная верфь. В указе значилось: «...делать к дому Его Императорского величества и для раздачи, по указам, всякого чина людям безденежно и на продажу разного рода небольшие парусные и гребные суда».

Партикулярная верфь была видна с балкона Летнего дворца, откуда за ее работой ревностно наблюдал Петр Великий. Он же создал и первый в России яхт-клуб под названием «Потомственный Невский флот». Ныне все эти начинания как неудобные преданы забвению.

Вот от чего пришел в изумление наш Афанасий: в кратчайший срок было зарыто большинство каналов, через сохранившиеся перебросили множество мосточков, а через Неву перекинулся первый плашкоутный мост, соединивший Адмиралтейство с Васильевским островом.

И как следствие – многочисленные гондолы, боты, яхты оказались на берегу, сгинув прежде своего срока.

Афанасия сии изменения не радовали: потомственный сибиряк, он привык к речным путешествиям. Да и лодку самому всегда можно сладить. А вот в городе без своего экипажа запросто можно сгинуть под копытами вороных лошадей или, в лучшем случае, удар плеткой схлопотать от возницы. Сибирский казак предпочел нанять лодочника и с удовольствием направился с ним в сторону Литейного.

Когда лодка входила в устье Фонтанки, Афанасий обратил внимание на небольшой дворец на одиноком острове. С берегом остров соединялся дамбой и подъемным мостом.

– То Подзорный дворец, – пояснил лодочник, по всему, из отставных матросов. – Петр Алексеевич любил бывать здесь, наблюдал за кораблями, входящими в Петербург по фарватеру Большой Невы. – Немного помолчав, перевозчик вздохнул и добавил: – В запустении ныне дворец, да и корабли стали редкими гостями на Неве.

7

Пришлось теперь Афанасию посещать коллегию ежедневно, как на службу, сюда хаживать. В большом уважении стал казачий голова среди жителей Литейного. Многие сроду не бывали на Васильевском острове. Какая нужда? А сибирский казак по указу Сената туда каждый день шастает!

Но все, слава Богу, до поры. Как-то утром по обыкновению его встретил знакомый приказчик:

– Что же вы, батюшка, эдак нынче припозднились? Господин секретарь уже изволил спрашивать. Срочно идите до господ! – понизив голос, приказчик по-приятельски посоветовал: – Встань у дверей и жди, когда пригласят. Запоминай: тот, что тебя более всех расспрашивать будет – секретарь Сената Кирилов Иван Кириллович, в темном парике – сенатор Алексей Михайлович Черкасский, а в рыжем будет сам адмирал Сиверс Петр Иванович.

За массивными дубовыми дверями в прохладе просторного кабинета вели неспешный разговор старые Петровы соратники, верные слуги государства Российского. Службы их протекали в различных областях и редко пересекались в жизни, но их объединяло нечто другое. Служение отчизне для них значило более, нежели дворцовые интриги и радение о собственном обогащении.

Секретарь Сената, хозяин кабинета и главный инициатор встречи, довел до приглашенных суть вопроса:

– Господа! Более всего сейчас нас должно беспокоить последнее Петрово деяние для благодати Российской империи. Я имею в виду проводывание крайних восточных владений с целью закрепить их за империей и решить наконец вопрос, каким образом Азия и Америка вблизи себя пребывают.

– Вы, Иван Кириллович, глубоко правы! Названные вопросы очень важны, и решать их надо спешно, – с готовностью согласился адмирал Сиверс. – Слышал я от английского капитана, чья шхуна ныне стоит у меня в Кронштадте, что в их адмиралтействе поговаривают о морской экспедиции к северным берегам Тихого океана. А это означает, что если они опередят в съемке наших и прилегающих к нам восточных земель, то мы, господа, не только ничего не приобретем, но можем лишиться и собственных территорий. Тогда лишь воинскими баталиями сей вопрос решать придется.

– Экспедиция Витуса Беринга, снаряженная Петром Великим, второй год как на пути в Охотск, – продолжил сообщение секретарь. – От нее начали поступать первые известия, точнее, одни только жалобы и просьбы о помощи.

– И на что Беринг жалобится? – любопытствовал адмирал. – Здесь, на Балтике, он тоже не отличался особой смелостью и терпением. Хотя офицер исполнительный.

– А вы знаете, на все жалуется – на снабжение продуктами, на нерасторопность тамошних воевод, на морозы, опасность со стороны воровских людишек, особенно инородцев. Прочитав его отписки, я углядел в них полную нерешительность и, если хотите, отчаяние, – Иван Кириллович замолчал, ожидая реакции присутствующих.

– Но, насколько я знаю, в его команде такие блестящие офицеры, как лейтенанты флота Шпанберг и Чириков; подобным храбрецам сам черт не ровня, – напомнил адмирал Сиверс. – Они вполне могут показать пример храбрости и чести.

– Князь Алексей Михайлович! – обратился секретарь Сената к Черкасскому, которого изрядно утомили велеречивые реплики адмирала. – Вы сами долгое время пребывали в Сибири на посту губернатора и, следовательно, более сведущи о тамошних диких инородцах. Неужто нашим солдатам, вооруженных фузеями, они опасны?

– Как же, как же! Наслышан от воеводы якутского и анадырского приказчика! Есть там народец – казаки его чукчами прозвали, а их землю – Чукотским носом. Ту, что у самого восточного моря, на краю земли. Река немалая Анадырь через тот нос протекает. Сладили казаки острог, оказавшийся в центре тамошней немирной земли. С виду чукчи напоминают самоедов, что по северным полуночным землям живут, но те – народ смирный, а эти дюже люты. А насчет фузей, извините! Казаки анадырские, кроме самопалов старых, ничего не видели.

– Господа! У меня в приемной находится некто Афанасий Шестаков. Он долгое время служил в Якутске тамошним казачьим головою. Сей казак подал челобитную в Сенат и теперь дожидается решения. В челобитной излагает проект приведения тех земель в покорность Его Императорскому Величеству.

– Что за новость? – недовольно фыркнул адмирал. – Никак нынче мужики взялись государственные дела править. Следует его высечь да отправить обратно в Сибирь!

– Вы, адмирал, не горячитесь! – успокоил его князь Черкасский. – К таким казакам надо прислушаться! Он про Сибирь более других знает, и не понаслышке.

– Более скажу! Казак грамотен и приложил карту тех земель, с островами и землями, о которых я как главный географ империи даже понятия не имею, – добавил Иван Кириллович, раскладывая на столе карту Шестакова.

Адмирал Сиверс с нескрываемым любопытством склонился над картой, где многие надписи были весьма необычны.

– Такое трудно сочинить! Но заметьте, нет ни одного геодезического замера.

– К сожалению, тамошние мужики, как, впрочем, и архангельские поморы, сим высоким наукам не обучены.

– Ну что, господин секретарь Высокого Сената, показывайте своего мужика. Весьма любопытно взглянуть, – примирительно молвил Сиверс.

В кабинет Ивана Кирилловича Кирилова вошел якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков. Под пристальными взглядами сановитых вельмож он проследовал в центр просторного, богато убранного помещения и остановился. В его поведении не чувствовалось ни раболепия, ни растерянности. Для человека, с детских лет привыкшего к опасностям и неожиданностям, эти чувства неведомы. Его более беспокоили мысли присутствующих людей, от которых сейчас зависела судьба его помыслов, и тех, кто остался на далеких окраинных берегах. Его состояние походило на напряжение охотника, неожиданно оказавшегося вблизи хищного зверя и замершего до мгновения, когда тот проявит себя либо миром, либо свирепой атакой. Чем раньше уловишь этот момент, тем больше шансов выйти победителем. Но здесь все считали себя охотниками.

«Дюжий мужичина и, похоже, непрост», – подумал адмирал.

– Умен, сразу видать, – оценил Кирилов.

– Настоящий сибиряк! Такой хоть чего добьется, лишь смерть его остановит. Ему бы подобным смельчакам поручать далее землю восточную проведывать да не мешать указами, – заключил князь Черкасский и на правах старшего задал первый вопрос: – Откуда родом будешь, казак?

– Сибирский я, коренной! Еще дед мой – из поморов пустозерских; как на Енисей пришел северным морем, так там и остался. Верстался в Туруханском остроге в казаки, с тех пор и служим государю-батюшке. Отец в Якутский острог перебрался, ну а я по его стопам с малолетства в Якутске. Подьячий, Александр Еремеич, что в приказной избе писарем служил, – царство ему небесное! – обучил меня грамоте да языкам тамошних инородцев. Вот, более по грамотности, и выслужился до казачьего головы.

– А чего в Санкт-Петербург съехал? Аль Якутск опостылел? – продолжил дознание Черкасский.

– Что ты, господине князе! Я всей душой там. Вот как решите мои чаяния, так я до Якутска обратно откочую.

– Зрели твою карту. Прямо скажу: много там неведомых земель. Но верна ли, может, то вымысел? За карту кто ответчик? – на удивление спокойно и даже миролюбиво спросил адмирал Сиверс.

– Эту карту рисовал мой давний товарищ Иван Козыревский. Ныне он человеке монашеского постригу и проживает в Якутске. В основе карты лежат походы приказчика Атласова. Иван состоял у него на службе долгое время и рисовал с его слов. После сам хаживал на кочах по Курильской гряде; другие казаки свое сказывали, а я уж, батюшка, за сии художества головой ручаюсь. Вот ежели открыть в Якутске школу обучения казачьих детей геодезии и обратить их на отыскание и покорение новых земель, на службу, к коей они совершенно обычны, то все по науке будет, и то пользам великим быть!

– Поведай вкратце сенаторам свои чаяния и заботы. Отвечай толково да без утайки, – распорядился Иван Кириллович.

– А то и предлагаю, господине сенаторы, что землицу ту, Чукотскую и Камчатскую, лежащую на восточном порубежье земли Русской, подвести под высокую государеву руку, ибо до сей поры инородцы тамошние не замирены и ясак добровольно не платят. По малолетству служилых, остроги жгут, а острожный скот угоняют. Выходит, что наперед надо привести в подданство тех инородцев, которые уже были в ясашном платеже и изменили, а также и вновь, кои еще не были, а уж затем продолжить поиск новых земель.

– Обратите внимание, господа сенаторы, что речь идет именно о тех землях, куда по велению Петра Великого отправлена экспедиция Беринга, – вставил секретарь Сената.

– И что же это за народишко, не желающий идти под государеву руку? – спросил адмирал.

– Более всех досаждают чукчи, проживающие от Колымы по Анадырю до самого восточного моря. Береговых, что более промышляют морского зверя, мы прозываем сидячими, а тех, что кочуют по Анадырскому носу, оленными. Сами чукчи себя прозывают луораветлан.

– Лу-о-ра-вет-лан, – с трудом повторил Иван Кириллович. – И что же сие означает? Нечто типа быстрого оленя?

Государственные мужи дружно засмеялись.

– Извиняйте, господине секретарь, не угадали. «Луораветлан» на их языке означает «настоящий человек».

Все замолчали, словно поперхнувшись, а казачий голова продолжал:

– И не ведают те чукчи страха, а соседние народы, юкагиры и коряки, в панике бегут от них, называя грозой северного побережья.

– Расскажи о чукчах еще чего поболее, – попросил адмирал.

– Живут они, сторонясь от чужих глаз; и мы мало о них знаем. Ведомо, что кочуют на оленях и собачьих упряжках, бой у них лучший, доспехи из кож морского зверя. Начальных людей у них нет. Собирают ополчение быстро – до двух, а то и трех тысяч воинов, тогда и ставят над ними выборного командира. В бою жестоки до крайности, а с пленными обходятся по-доброму, не пытаются.

– Сколько же надобно войску, чтобы усмирить сих нехристей? – подал голос князь Черкасский.

– Так, полагаю, казаков служилых собрать бы человек триста или четыреста – и достаточно, кроме солдат десятка два, геодезиста справного, матросов десяток, кузнеца, рудознатца тоже треба. Людишек лучше собрать по сибирским городам и острогам. Они более привычны к нашим морозам да и в бою с инородцами дюже стойкие. Служилых надобно развести по острогам: в Среднеколымский, Анадырский и Охотск. Оно и харчеваться так проще. С моря и с берега взять чукчей в клещи и замирить силою. Далее укрепить старые остроги, поставить новые в местах удаленных и к тому гожих, и вольно проводывать острова да новые земли.

– А что, твой племяш Иван даст ли твою карту Берингу?

– Непременно даст: у него срисованная копия имеется! Еще и проситься будет в экспедицию! Сильно его влечет в новые земли. На свои деньги морской коч ладит в Якутске, собирается Северным морем в Анадырь уйти.

– И что же, ты готов возглавить сей наряд?

– То будет для меня великая честь! Не пощажу живота своего ради дела государева! – не скрывая восторга, воскликнул Шестаков.

– Теперь ступай и жди нашего решения, – завершил разговор секретарь Сената.

После того как за казачьим головою закрылась дверь, Иван Кириллович попросил каждого высказать свое мнение.

– Господа сенаторы! Лично меня разговор окончательно убедил в необходимости снаряжения воинского наряда в земли чукчей. Надобно замирить сей народец и привести его под государеву руку. Если экспедиция Беринга вернется ни с чем, Россия будет опозорена перед всей просвещенной Европой. Мы, дети Петровы, не должны этого допустить! Предлагаю составить доношение в Верховный Совет под названием «О посылке якутского казачьего головы Шестакова в Якутский уезд к берегам Северного моря для проведывания новых земель и островов, и о приводе обретающихся в тех землях и на островах иноземцев в подданство, и о даче ему, Шестакову, для того служилых и других чинов людей и оным жалованья».

– Я согласен с тобой, Иван Кириллович. Тянуть далее нельзя, – заговорил князь Черкасский. – Но всем ведомо, что вопросы по челобитным, несмотря на мнение Сената, решаются верховниками крайне медленно. С графом Петром Андреевичем Толстым я переговорю сам. Он сейчас у императрицы в фаворе и со светлейшим князем Меншиковым в дружбе. Но кроме них в Верховном тайном совете значительный вес имеет генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин.

– На этот счет не беспокойтесь, – солидно заверил адмирал Сиверс. – С Федором Матвеевичем я пообщаюсь завтра. Он, по обыкновению, меня с докладами требует не реже как через день-два.

8

Несмотря на все старания секретаря Сената Ивана Кирилловича, доношение было рассмотрено на Верховном тайном совете лишь в январе 1727 года. Возмутительная волокита! Ведь минуло уже два года с тех пор, как казак Афанасий Шестаков подал прошение в Сенат. Хотя не стоит удивляться. Видит Бог, не озаботься его челобитной сановный чиновник, не случилось бы сего рассмотрения вовсе. К тому же хочется верить в старую русскую поговорку о том, что, если долго запрягать, то ехать будешь быстро. На все случаи жизни во все времена сородичи находили оптимистичные оправдания медлительности.

По приглашению Верховного тайного совета был заслушан нынешний сибирский губернатор Михаил Владимирович Долгоруков, специально прибывший из Тобольска и тем еще отсрочивший решение на два месяца. Именно он и член Верховного совета граф Толстой проявили повышенный интерес к персоне казачьего головы, что в дальнейшем сильно повлияло на ход событий.

Оба представителя древних родов не хотели и не могли смириться с тем, что обычный мужик хоть и дослужившийся в сибирской глубинке до звания казачьего головы, способен возглавить столь серьезную экспедицию.

На последнем заседании Верховного тайного совета дебаты кипели вокруг государственных целей предполагаемой экспедиции, а также вообще в целесообразности ее снаряжения и особенно – по поводу руководителя похода. Вопрос о военной баталии супротив воровских инородцев стоял прежде иных. Тут-то и возникло первое сомнение.

– Князь Михаил Владимирович! – пылко произнес граф Толстой. – Как я понимаю, вы поддерживаете помыслы Афанасия Шестакова. Но казачий голова – должность приказной службы, а баталия – занятие воинское. Да и можно ли простому мужику довериться в столь большом и сложном деле?

– Бывший якутский воевода, капитан Михаил Измайлов, что ныне пребывает на воеводстве в Иркутске, самого лестного мнения о Шестакове, – отвечал Долгоруков. – И в сибирских острогах каждый служилый казак – воин добрый, но в большой баталии, полагаю, мужику довериться все-таки нельзя.

– Без сомнения, Афанасий Шестаков радует за сии дела, да и обычаи тех земель ему ведомы. Может, ему человека дворянского рода приставить в сотоварищи? Чтобы помощником был и воинскую науку ведал.

– Есть у меня в Тобольске такой офицер, – немного подумав, ответил Долгоруков. – Дюже волею крепок и смел! Родом он из польских шляхтичей. Предки уже сотню лет в сибирских острогах служат. То капитан сибирского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий.

– Видимо, подходящий офицер. Я даже припоминаю его по наградному указу. Думаю, с этим вопросом все ясно, – подвел итог граф Петр Андреевич Толстой. – Готовим на подпись Ее Императорскому Величеству следующий указ: «О посылке якутского казачьего головы Шестакова для переговоров с немирными иноземцами о вступлении им в подданство России».

А к обладанию теми землями и в замирении с народами, их населяющими, у России причины веские: «Территории, прилегающие к российским владениям и ныне ей не подвластные, весьма нужны для прибыли государственной, понеже в тех местах соболей, рыбий зуб в достатке и прочий зверь родится. И пока в те земли, что с Сибирью пограничные, оные народы не вступили, следует их занять и подвести под государеву руку. Особливо для познания по восточному морю морского ходу, от которого может впредь пойти торговля с Японией, с Китаем или Кореей.

Надобно увеличить Якутский гарнизон до полутора тысяч человек за счет служилых людей из Томска, Енисейска и Красноярска. Из них четыреста служилых выделить в партию

Шестакова. Среди солдат обязательно должны быть четыре гренadera, чтобы обучать делать земляные и верховые ракеты, хоть не для убийства, а для страха иноземцев. Остроги Охотский, Анадырский, Колымские, Тауйский отремонтировать и всячески крепить.

Для морских плаваний круг Камчатки и Чукотского носа из Адмиралтейской коллегии при дать геодезиста, штурмана, подштурмана и десять матросов, а для строительства – судового подмастерья. Мастеровых людей, кузнецов, плотников выбирать из числа служилых казаков.

Снабдить экспедицию всем необходимым вооружением, потребным числом пушек и мортир с боеприпасами для установки их на корабли и остроги. На подарки иноземцам выдать сукно, олово, медь, иглы, десять пудов китайского табака и пятьдесят ведер вина.

Снабдить единовременно экспедицию жалованьем сразу на два года. В последующем выдавать жалованье всей команде в положенном размере и без задержек».

– А как же решим по части капитана Павлуцкого? Мне видится, что для пользы дела надо подчинить Шестакова обер-офицеру регулярной армии, – решительно настаивал сибирский губернатор.

– Князь Михаил Владимирович! – недовольно воскликнул, обращаясь к нему, граф Толстой. – То вопрос деликатный! Сейчас предлагаю сформулировать следующим образом: «Де послать с Шестаковым обер-офицера, для начала над военной командой по рассмотрению Сибирского губернатора». А вы, батюшка, по прибытии экспедиции Шестакова в Тобольск определите их отношение своим указом по общему согласию и тамошней обстановке.

Светлейший князь Меншиков хотя и председательствовал на этом заседании Верховного тайного совета, но вел себя крайне безразлично, возложив ответственность за принимаемые решения на графа Толстого. Это был период наивысшего могущества Александра Даниловича. Изрядно поднатюрив в искусстве дворцовых интриг, он оставался человеком безграмотным и абсолютно не представлял масштабы и судьбоносности для России решаемых вопросов, да и сама Сибирь виделась ему не более как заштатная губерния, весьма удаленная и пригодная лишь для ссылки туда его недоброжелателей и противников. И неведомо было светлейшему князю, что именно Сибирь с ее бескрайними просторами и лютыми морозами будет во многом определять судьбу страны, а для него самого, как и многих других зарвавшихся лихоимцев, она станет последним убежищем.

По указу Ее Императорского Величества сотни людей добровольно отправятся в Сибирь, повинувшись чувству долга, творить историю России. Другим указом, изданным уже молодым императором Петром II Алексеевичем, в сентябре того же года гвардии майор князь Салтыков заключит главу Верховного тайного совета Александра Даниловича Меншикова под домашний арест. Вскорости со своими чадами и домочадцами он отправится в сибирскую ссылку. Последнее пристанище светлейшего князя – захолустный городок Березов, что стоит и по сей день на левом берегу реки Вогулка при впадении ее в реку Сосьва, а Сосьвы – в Малую Обь. Таковы уж пути Господни. Учит он нас уму-разуму, а мы все не разумеем.

9

Но вернемся к нашему герою. 23 марта 1727 года вышел именной указ императрицы Екатерины I и звучал он так: «О посылке якутского казачьего головы Шестакова для переговоров с немирными иноземцами, о вступлении им в подданство России». В этом указе одним из пунктов на сибирского губернатора возлагалась обязанность по его усмотрению послать с дипмиссией из обер-офицеров искусного человека и с ним Шестакова.

Согласитесь, странная формулировка. Если внимательно прочитать ее, то, без сомнения, видна двоякость трактовки начальства в экспедицией. Но, будучи в Санкт-Петербурге и в дороге до Тобольска, Афанасий не обратил на это ни малейшего внимания. Да и к чему, когда он неоднократно явственно слышал от сенаторов и членов Тайного совета о признании его как руководителя экспедиции; более того, Шестакова раздирали чувство восторга и планов громадьи.

Единственно, что омрачило отъезд, это прощанье с Авдотьей Марковной. Она уже свыклась с бесконечным ожиданием. И вот теперь сколь ожидаемая, столь и неожиданная разлука лишила ее всякой выдержки. Несмотря на оказанную честь ее супругу и выдачу немалого жалованья за два года, Авдотья чувствовала себя скверно. Растерянность и отчаяние переполняли казачью женку, все еще не насытившуюся супружеством. Крепко обняв супругу, казачий голова расцеловал малютку-дочь, размашисто перекрестил их головки и, не оглядываясь, отправился в далекие сибирские земли. В его представлении разлука предстояла долгой – лет пять, а то и более. Здесь Господь – распорядитель.

Сбывались самые заветные помыслы и мечты Афанасия. Его планы были одобрены полностью и вошли в наказные документы. Сенаторы тоже не поскупились, снабдив экспедицию всем необходимым. Но главное, в ее состав вошли люди, обладающие необходимыми знаниями и опытом. А уж отвагу, упорство, выносливость – эти достойные качества русского люда им предстояло доказать в деле.

Для морских походов и изыскания новых земель Адмиралтейством-коллегией экспедиции были приданы штурман Якоб Генс, подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев.

Морским офицерам выдали необходимое оборудование: цепь мерительную, готовальню с инструментом, квадрант, азимут-компас; из циркулей – большой, хартиной, да простой и треножный, шкало планное, таблицы, хартины – плоскую и меркаторскую, один теодолит. Штурман и подштурман получили два пелькомпаса, восемь ординарных компасов, две склянки полчасовых да две полуминутных.

Также в распоряжение Афанасия Шестакова предавались охотские мореходы Кондратий Мошков, Никифор Треска, Генрих Буш, Иван Бутин и, кроме того, ботовых дел мастер Иван Спешнев. Десяток матросов дополняли эту команду. Якутский казачий голова о таком мощном морском отряде даже не помышлял.

Возгордившись за себя и за деяния, которым надлежало свершиться, в июне 1727 года Шестаков в звании главного командира Северо-восточного края отправился со своей командой в Сибирь. Сомнений в своем главенстве у него тогда не было. Ведь именно так порешили сенаторы, министры и многочисленные члены коллегий, что в последние месяцы занимались устройством экспедиции с Афанасием Федотовичем.

Глава вторая. Обер-офицер драгунского полка

*Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титла заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтение от граждан.*

Г.Р. Державин

1

Тобольский драгунский полк, помимо эффектного названия, более ничем не выделялся. То было обычное полевое воинское формирование, каких в империи десятка три наберется. В свое время сформированный для защиты сибирской столицы Тобольска от набегов многочисленных орд башкир, калмыков, казахов, полк сейчас представлял жалкое зрелище. Расквартированный по многочисленным слободам его рядовой состав нес караульную службу, более схожую с крестьянским повседневным бытом. Редкий случай, чтоб наскочили ордынцы, да и то малым числом по воровскому делу, от голодухи. Тихо теперь на Тоболе; далеко на юге, в землях Джунгарии и Бухарии, пролегает граница Российской империи. Можно бы обучать конному строю новобранцев, да куда там, коль в полку даже лошадей уставных нет.

В одной из таких слобод, а именно в Окуневской, раскинувшейся к югу от Тобольска, тоже располагался небольшой драгунский гарнизон. Командовал им капитан Тобольского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий.

Потомственный польский дворянин, чей род служил по сибирским острогам с незапамятных времен, он давно забыл родной язык, как и национальные обычаи. Зато в нем на удивление прочно сохранились гонор и необузданность, свойственные польскому шляхтичу. К службе он относился со всей ответственностью и, не имея в своем хозяйстве строевых коней, обучал рядовых драгун чему мог – пехотному строю, приемам штыковой атаки, меткой стрельбе из фузеи, фехтованию на палашах. Ведь, согласно Петровскому уставу, драгуны есть легкая конница, обязанная в совершенстве овладеть боевым искусством, вести сражение как в конном, так и пешем строю.

Сам Дмитрий Павлуцкий безукоризненно владел любым оружием, следил за выправкой подчиненных и при случае за малейшее оскорбление не давал спуска другим офицерам. Его болезненное самолюбие стало причиной бесконечных дуэлей и конфликтов. А вот карьера, благодаря отчаянной смелости, проявленной в схватках со степными ордами, сложилась неплохо; по сибирским меркам, капитанскому окладу и довольствию могли позавидовать многие служилые.

Из-за своенравного характера офицеры сторонились Павлуцкого, да и сам он не стремился к товарищеским отношениям. Дело в том, что в полку уже давно офицеры неформально поделились на две компании. Одна состояла из офицеров – отпрысков сибирских бояр. В свободное от службы время они обычно волочились за девками, по старинке играли в зернь и бражничали в питейных и банных заведениях. А вот другая группировка объединяла бывших

гвардейских офицеров и гренадерских драгунских полков, которые в наказание за разного рода проступки переводились сюда из столицы.

Капитана Павлуцкого тянуло к ним всем его естеством. Но отпрыски знатнейших княжеских и графских родов не считали возможным принять в свой круг потомка польских шляхтичей, несмотря на явную к нему симпатию. В результате капитан Павлуцкий пребывал в одиночестве, мечтая о службе в гвардейском полку Санкт-Петербурга.

2

Как-то, совершенно случайно, будучи с докладом в Тобольске, он бродил по базару. День был воскресный, и торговля шла достаточно бойко. Базар в сибирских городищах, как и в любых других азиатских, всегда есть место не только торговли, но и всяческих любопытств. Хочу сказать, что человек идет сюда не только за покупками, а более из интересу лицезреть что-нибудь любопытное, можно даже сказать, редкостное для здешних мест. Кроме всего, именно здесь легче всего узнать последние новости как российские, столичные, так и иноземные, ибо самый отчаянный торговый люд сюда со всех краев стекается, да еще окончательно не зарос травой старый Бухарский северный торговый путь.

В тот день капитан Павлуцкий решил прикупить синее сукно для нового парадного кителя. Дела были исполнены, в Окуневскую слободу велено прибыть завтра, вот и решил драгунский капитан, присмотреть что любо себе в усладу. Ходил-ходил и не ведал того, что потребно!

Неожиданно его привлек птичий ряд. Клекот птицы, что он услышал, был крик кречета. Сокол сидел на ременной привязи и отчаянно зывал о помощи. Не будем обсуждать купеческие приемы тех лет, но они возымели тогда действие более, чем ожидал продавец. Капитан Тобольского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий без всякого торга отдал за птицу всю наличность.

Соколиная охота на Руси имеет древние корни. Да и как иначе, если русские кречеты, родина которых – Русский Север и Поморье, считаются самыми крупными птицами из рода соколиных, а сапсаны – самыми быстрыми. Именно соколы, привезенные из Москвы, высоко ценились в Персии и странах Европы.

Лучшими посольскими дарами считались кречеты. Так, в 1616 году, когда решался вопрос о займе на войну с литовцами, в качестве даров были посланы кречеты, что и решило судьбу денежного займа в пользу России. Особым почитателем соколиной охоты был русский царь Алексей Михайлович Романов. В его правление вся жизнь государства соприкасалась с сей птицей. Даже купцы платили подорожную подать голубями на прокорм государева соколиного хозяйства.

Но мода меняется, и интерес к соколиной охоте несколько поутих. Так и капитан Павлуцкий имел весьма слабое представление об этой забаве. Тем не менее это не помешало ему приобрести ловчего сокола и в короткий срок стать большим поклонником соколиной охоты. Птица оказалась хорошо обученной и с немалым стажем, что позволило капитану в короткое время овладеть навыками охоты. С того момента Павлуцкий превратился в заядлого соколятника, что значительно повысило его статус в офицерской среде и сделало популярным не только в полку. Даже высокородные князья перестали чураться его общества и зачастили в Окуневскую слободу, где квартировала рота Павлуцкого, и все было обустроено для соколиной охоты. Теперь он владел десятком отборных кречетов, а денщики более походили на сокольничих, нежели на солдат.

Прослышав о капитане, содержащем соколов, губернатор, князь Долгоруков Михаил Владимирович, тоже не преминул навеститься, якобы с инспекцией, в Окуневскую слободу.

– Что же вы, капитан, – пробурчал при встрече губернатор, – при нашей скучной жизни не порадуете губернатора соколиной охотой?!

– Я ведь, господин губернатор, даже не мог помыслить о столь высокой для меня чести! – откровенно признался Павлуцкий, чем весьма польстил князю.

– То-то! Теперь знайте: я большой охотник до соколов. И вот что, капитан! Бросай все дела и порадуй старика. А то прогневаюсь, – пошутил он вдобавок.

Князю Михаилу Владимировичу шел уже шестой десяток. Возраст почтенный, но чувствовал он себя прекрасно и на покой не собирался. Не ладится мир между князьями Долгоруковыми и Романовыми: вечно встрянут в противную партию. Вот для Михаила Владимировича и аukaются участие в побеге царевича Алексея и другие делишки супротив воли императора Петра. Тот и отослал его в Сибирь губернатором, ну да ладно, что не в ссылку.

Не прошло и двух часов, как все было готово к охоте. Стояла осень в своей лучшей поре: самое время для утиной охоты. Полуденное солнце, еще не остынув, палило по-летнему жарко. Князь Михаил Владимирович и капитан Павлуцкий следовали верхами вдоль озера. Утка, чуя неладное, забила в камыши и вела себя тихо.

– Вам приходилось наблюдать за парной охотой? – спросил капитан.

– Да, конечно! Это когда один сокол поднимает дичь, а другой ждет ее и в нужный момент атакует! Надо сказать, крайне редкий случай и требует искуснейшего обучения.

– Тогда я вас удивлю, сказав, что сейчас мы запустим сразу пятерых кречетов, – заявил Павлуцкий, с удовольствием наблюдая за реакцией губернатора.

– Взгляните! Сокол, что сидит у меня на руке, уже стар, и атакует не так молниеносно. Это мой первый кречет. Но он дюже сметлив, и мне кажется, командует другими кречетами.

– Ну, вы, батенька, хватили! Сокол – птица бестолковая, куда ему до таких тонкостей, – засмеялся Долгоруков.

Всадники достигли нужного места, прервав разговор.

Капитан пустил первого кречета, затем один за другим в небо взмыли еще четыре. Поднявшись высоко над землей, птицы стали кружить вокруг озера. Это уже выглядело необычно. Затем старый кречет опустился; и птица, грозно крича, чуть не касаясь крылом зарослей, стала метаться над ними, над поверхностью воды. Утки, притаившиеся, было, в камышах, но испуганные соколом, стали одна за другой подниматься в воздух, стремясь покинуть беспокойное озеро. Тут раздался клетот птицы, похожий на сигнал к атаке, и соколы враз, молниеносно, накинулись на своих жертв. Удар был столь стремителен, что острые, как бритва, когти срубали головы селезней на лету, и падающие утки, кувыркаясь в воздухе, обагрляли землю своей кровью. Скорости, красота птиц и природы – на этом удивительном фоне особенно отчетливо вырисовываются трагизм и величие жизни. Завораживающая картина и была тем шоу, ради которого устраивалась соколиная охота.

На этот раз она оказалась весьма удачной. Князь Долгоруков получил немалое удовольствие, а на прощание бесцеремонно заявил:

– Капитан! Селезней я, пожалуй, с собой заберу. У тебя тут, кроме денщиков, прислуги нет, а я из столицы искусного повара захватил. Приготовит дичь – пальчики оближешь. Пожалуй завтра ко мне вечерять.

Эта встреча оказалась судьбоносной для Павлуцкого. Глянул он Долгорукову своей спокойной обходительностью и тем, что заполнил соколиной охотой бездельное время, коего в губернаторской жизни было довольно. Взамен Дмитрий Павлуцкий заполучил в покровители влиятельного вельможу, чья звезда еще далеко не закатилась, а после смерти императора Петра Алексеевича снова пошла на подъем.

– Иметь в услужении верных офицеров для такого вельможи, как князь Михаил Владимирович Долгоруков, просто необходимо, – рассудил Павлуцкий. Так что служба в гвардии виделась ему почти реальностью.

3

В ожидании сибирского губернатора, что ныне по требованию Верховного тайного совета находился в Санкт-Петербурге, драгунский капитан пребывал в самом благостном настроении. Причины вызова были ему неизвестны. Что это может быть, как не касаясь службы и большой важности? Незнание, однако, лишь разжигало воображение.

Тем временем события уже разворачивались неуклонно, и судьба капитана Тобольского драгунского полка была предрешена.

В июне 1727 года князь Долгоруков вернулся в Тобольск. Новости, что он привез с собой, оказались крайне неожиданны. До такой степени, что первоначально капитан даже растерялся и не знал, как к ним относиться. Экспедиция на северо-восток Сибири мало напоминала его мечты о службе в гвардии.

– Капитан Павлуцкий, я до сих пор не слышу от вас слов благодарности, – первым начал разговор губернатор.

– Но я надеялся продолжить службу под вашим началом, – ответил капитан достаточно твердо.

– Служба по именному указу императрицы значит много больше! Это прямая дорога к майорскому званию, славе и пожалованным из казны имениям.

– В указе императрицы нет моего имени, – разочарованно заметил Павлуцкий.

– Зато мне есть прямое указание, и, обрати внимание, достаточно конкретное: «По усмотрению послать из обер-офицеров искусного человека и с ним Шестакова». Заметь, – с ним! Императрица указала мне определить старшего командира для Анадырской экспедиции, и я определяю тебя, капитана Павлуцкого. С чукчами ты расправишься без труда и земли приведишь под государыню. Народец дикий, даже о железе ничего не ведает. Супротив лучного боя с костяными наконечниками у тебя будут пушки и фузеи. Вернешься в Санкт-Петербург с докладом о виктории! Вот о чем теперь думать надо. А пока набирай верных людей, чтобы они твою сторону держали супротив Шестакова.

– А что он за человек, этот Шестаков? – спросил Павлуцкий.

– Мужик. Грамотный, настырный, неглупый, раз до самого Сената добрался. Что за дело? Тебе с ним детей не крестить! Согнешь в бараний рог, и пускай в экспедиции по хозяйству хлопочет, – завершил разговор князь.

4

В сентябре 1727 года в Тобольск прибыл казачий голова Афанасий Шестаков с офицерами адмиралтейской службы, причем никто из них в главенстве Афанасия Федотовича не сомневался: за время дороги все убедились в его способностях и твердости.

Немного вернемся в прошлое. Тобольск заложен как острог летом 1587 года на реке Иртыш при впадении Тобола. Поставил град на Троицком мысу воевода Данила Чулков при царе Федоре Иоанновиче.

Первоначально Тобольск играл роль восточного форпоста России. Но уже через десяток лет, в лихие времена конца XVI века, исключительно удобное положение определило его дальнейшую судьбу как столицы Сибири. И надо сказать, что сей град был на слуху у всей Европы и Азии после Москвы и Санкт-Петербурга.

Здесь преувеличений нет: Тобольск действительно стал пропускными воротами к сибирской мягкой рухляди, восточным морям и в Китай, на чьи богатства Европа зарилась издревле.

Через Тобольск шли торговые пути из России в Китай и Среднюю Азию, а купцы из Великого Устюга, Казани, Москвы были частыми гостями. Бухарцы и хивинцы доставляли сюда разноцветную парчу, шелковые, бумажные и шерстяные ткани, сушеные овощи и различные сладости.

В 1708 году, во времена государственных реформ императора Петра Алексеевича, Тобольск становится центром всей Сибирской губернии, включавшей Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Нет ничего удивительного, что снаряжение Анадырская экспедиция Шестакова должна была получить в Тобольске. Здесь уже на полную мощь работали казенные заводы, мануфактуры и салотопенные предприятия. Имелся и свой оружейный завод. А уж в закромах, то есть в арсенале и множестве имперских кладовых, добра – на зависть любому губернскому городу центральной России – было не счесть. Следует все-таки подчеркнуть, что Тобольск был не обычный губернский город, а столица огромной и богатейшей территории, отстоящей от Москвы и Санкт-Петербурга за тысячи верст, так что губернатора Сибири, коим пребывает ныне здравствующий князь Долгоруков Михаил Владимирович, правильнее именовать наместником. В его ведении все ресурсы, территории – все, вплоть до армии.

И внешне Тобольск весьма пригляден. Спорить с Москвой или Санкт-Петербургом, конечно, не берется, но в военном отношении много не уступит. Вот кремль свой имеется, что высится на горе в самом центре и обозреваем со всех сторон. Гора рассечена оврагом, по которому проложена деревянная дорога наверх к Дмитриевским воротам. Там мостовая уже вымощена булыжником и называется Прямской, или Софийским взвозом.

Афанасий Шестаков сотоварищи прибыли в Тобольск по реке и теперь от городского плотбища пешком следовали через Софийский взвоз во дворец наместника. Склоны оврага укреплены камнем, так что путь в Тобольский кремль пролегает в окружении стен высотой до десяти саженей.

Восемь деревянных острогов сменяли один другой, пока наконец Тобольск не обрел каменные крепостные стены и девять башен кремля. Нависающие над обрывом, они выглядели красиво и грозно. Знающие военное дело люди, без сомнений, укажут на искусную фортификацию и мощное вооружение. Крепость была способна противостоять многотысячной современной армии. Хотя откуда ей, армии, тут взяться и по какой надобности?

Много сил и средств положено на строительство города во времена первого сибирского губернатора, князя Матвея Петровича Гагарина, прослужившего на своем посту более десяти лет. Срок немалый и объясняется, прежде всего, Северной войной, полностью занимавшей мысли императора Петра Алексеевича. За великими баталиями дела сибирские были забыты

и перепоручены на долгие годы князю Гагарину. Сия беспечность послужила хорошим уроком самому императору да и всему роду Романовых.

На территории кремля возвышается Софийский собор. Правая сторона от Прямого взвоза – центра православия Сибири – так и называлась Софийской частью; слева от взвоза раскинулся Вознесенский город с дворцом наместника.

Миновали Дмитриевские ворота, что наподобие лаза расположились под зданием рентерии, по своему назначению, напоминающее американский форт Нокс. Здесь находится хранилище государственной пушной казны. Не берусь назвать количество тех несметных богатств, что сторожатся в ее стенах, но то львиная доля всей казны Русского государства. И неслучайно Тобольский драгунский полк несет службу в здешнем граде.

В те годы мягкая рухлядь ценилась весьма высоко. В торговых делах и в государственных порой золото заменяло. Один лишь недостаток, что монет из него не начеканишь.

Заслуга строительства рентерии тоже принадлежит князю Гагарину. Человеком он был смелым и решительным. Но строительство – это малое! Ради удобства сибирской столицы Гагарин повелел изменить русло Тобола, прорыв канал, и этим сдвинул его слияние с Иртышом на несколько верст. Такое в голову придет не каждому, а уж осуществить план – тем более.

За свершениями немалыми возвысился князь Матвей Петрович Гагарин не в меру. Возомнил себя великим, гордыня помутила его разум. Задумал изменить государственное обустройство: Сибирь от империи отделить! И закончились его правление необычно: повесил Гагарина император за воровские, низменные дела на Васильевском острове перед фасадной частью коллегии. Висел князь-бедолага на железной цепи многие месяцы в назидание министрам да сенаторам. Дело то прошлое, а рентерия по-прежнему полна мягкой рухлядью, что ясачными сборами да десятиной торговой со всех уголков Сибири ежегодно сюда доставляется, а затем переправляется в Санкт-Петербург, в казначейство Российской империи. Помимо мягкой рухляди рентерия хранит и другие сокровища. Старые курганы, во множестве рассеянные по Великой степи, в последние годы стали вожаемыми объектами исследования воевод и ученых. Их раскопки стали обыденны, и виной тому золотые украшения скифских времен. Ежегодно по несколько пудов золотых поделок поступали в тобольскую казну. Действительно, можно голову потерять!

А между тем Афанасий Шестаков в окружении морских офицеров, вошел во дворец наместника, точнее, губернатора Сибири. Со времен князя Гагарина здесь мало что изменилось: вот только нынешние наместники – все более из опальных – ежели и творят что с опаской и оглядкой, то либо воровское или себе в усладу.

5

Казачий голова едва успел привести себя в порядок, как был принят губернатором – князем Михаилом Владимировичем Долгоруковым.

– Заждались тебя, казак! Аль не торопишься службу государеву править? – начал князь, решив сразу взять в разговоре верх.

То была аудиенция; Шестаков, уставший с дороги, в гордом одиночестве предстал перед наместником и его многочисленной свитой, состоящей из офицеров драгунского полка.

Как командующий вооруженными силами князь тоже был в мундире драгунского офицера, к тому же изрядно украшенном золотыми пуговицами и шитьем золотыми нитями по отворотам.

В убранстве приемного зала явно присутствовали провинциальное излишество и кичливость богатством. Можно было догадаться, что изобилием гобеленов, портьерных тканей хозяева тщетно пытались скрыть дефекты строительства, которое не могло идти ни в какое сравнение с изумительным зодчеством итальянских мастеров в столичном граде.

Осматриваясь и собираясь с мыслями, Афанасий Шестаков молчал, этим явно вызывая недовольство губернатора.

– Поспешаем, ваша светлость! В самый аккурат к распутице до Тобольска добрались! Сейчас до морозов будем хозяйственными делами заниматься. Согласно бумагам канцелярии в Тобольске дюже много добра получить надо. А после по зимнику уйдем на реку Илим, и если Бог даст, полой воды дождемся в Усть-Кутском остроге, а там сплавимся на Якутск. Так что, господине губернатор, все вроде бы ладно.

– Как уверенно держится мужик! – отметил про себя губернатор. – Не иначе мои вороги, Толстой и Меньшиков Алексашка, ему догляд поручили? Донесет сиволапый, что не так, а те сразу до императрицы потащат!

Столь неожиданно пришедшая мысль до крайности расстроила князя Долгорукова. От страха неприятно взмокла спина, а по лбу предательски потекли капли пота.

– Не можетя мне нынче, – неожиданно произнес губернатор. – Ты уж, голова, ступай, отдохни с дороги, а завтра прошу снова ко мне. Устроим мы не иначе ассамблею, как в лучшие времена при Петре Алексеевиче, там и представишь своих мореходов, и между менуэтами о делах поговорим.

Все стали расходиться. А вот капитану Павлуцкому было не по себе. Не в меру решительный, сейчас он чувствовал растерянность и крайнюю досаду. Князь Долгоруков, высокопоставленный вельможа, спасовал перед простым казаком, не имевшим и звания-то воинского! Титул казачьего головы, хотя и высокий, и почетный, но, будучи старинным званием служилого казачества, не попал даже в Табель о рангах, утвержденный Петром Великим в 1722 году. Сие означало, что статус Афанасия ниже любого служащего, занесенного в табель.

Павлуцкий молча ждал разъяснений от губернатора, но тот лишь произнес:

– И ты, капитан, ступай. Не время еще. Завтра в присутствии всех офицеров объявлю свое решение.

6

Один хотел, чтобы этот день не наступил вовсе, другой, наоборот, торопил его начало, а кому-то было и безразлично; но время не остановить, и его лучшая подруга – судьба тклет свой ковер людских жизней неумолимо и с немалой фантазией.

Хитер князь Михаил Владимирович, ничего не скажешь. Ассамблею неспроста устроил, даже музыкантов отыскал, чтобы народ потешить. Но, главное, решил надсмеяться, поглумиться над Афанасием Шестаковым.

– Уж где-где, а на ассамблеях бывать голове не приходилось и тамошних порядков он не знает, – рассудил губернатор. – От стыда сгорит казак, пусть знает свое место мужичье!

После обеденной службы все вновь собрались во дворце наместника. На этот раз среди приглашенных были и дамы. Все больше жены и дочери офицеров. Особо волновались незамужние молодые дамы. Как же, ведь ассамблея! Да еще, говорят, будут молодые офицеры из Адмиралтейства!

Плох тот офицер, у которого на такой случай не окажется нового парадного мундира. Насчет драгунов сомневаться не приходилось. Хоть и не Санкт-Петербург, но подобное мероприятие всегда в ожидании. Вполне обыденно, чтобы и у офицера, отправленного с экспедицией на край света, тоже на всякий случай оказался с собой праздничный новенький мундир.

Прямо скажем, большой присутственный зал был переполнен блестящим обществом как в прямом, так и в переносном смысле.

Офицеры Тобольского драгунского полка, составлявшие большую часть мужской половины залы, были одеты в уставные мундиры. По тем временам это был большой шик. Форма, определенная Петром, служила лучшим пропуском на ассамблею.

Драгунский камзол синего цвета с красными отворотами. Длинные черные ботфорты, черная треуголка с серебряным кантом и шпага. Парадный вид дополнял белый шарф – необходимый элемент мундира: именно по нему, по его материалу и убранству определялась происхождение и состояние офицера. Шарфы изготавливались из тканей от бумажных до шелковых, могли украшаться тончайшим шитьем, жемчугом и другими камнями.

Молодые офицеры Адмиралтейства, подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев, тоже были в зале. От них еще исходил флер петербургских салонов, но формой похвастаться не могли: не успел Петр утвердить форму для офицеров Российского флота. Не было в том резону: малым числом они кружились тогда между иноземными лейтенантами да капитанами, а те носили форму свою, определенную их императорами да королевами. Вот и рядились адмиралтейские офицеры, как могли. На радость молодым, существовала форма гардемарина, что негласно потихоньку превращалась в офицерскую. Ну а наши адмиралтейцы были, как на подбор, из гардемарин, так что выглядели они не хуже драгун: черная треуголка, красные штаны, белые чулки и черные штиблеты.

Главный элемент мундира – это удлиненная куртка-бострога, узкая, приталенная, со стоячим воротником. Она появилась на русском флоте с первыми голландскими матросами и прижилась на многие десятилетия. Куртка обшивалась золотой бязью, украшалась большими дорогими пуговицами, плюс неременная шпага – и в результате получался очень даже симпатичный мундир, позволяющий проявлять полную свободу индивидуальности, в чем весьма и преуспели наши офицеры.

Настроение у них было приподнятым: столь серьезная ассамблея, да еще в их честь, была первой в жизни юношей. Молодые, здоровые, с обветренными лицами моряки с восхищением ловили хотя и мимолетные, но весьма обещающие взгляды тобольских красавиц, не догадываясь, что те кокетничали более для того, что бы позлить своих кавалеров. Ведь в провинции для дам жизнь блеклая, однообразная.

Старший по команде, штурман Якоб Генс, тоже был в зале. Голландец по происхождению, он долгие годы находился на русской службе. Одетый в чисто голландскую бострогу, с красным платком на шее, шрамом на лбу, полученным в пьяной драке, он походил на старого пирата. При нем находилась длинная старая шпага, каких на флоте ныне не сыщешь, хотя в старину ей подобные были любимым абордажным оружием морских пиратов. Возраст у Якоба Генса уже немалый, здоровье пошаливает. Жизнь прошла буйно, да и пороков хватает. Ром, девки, карты – основным дополнением к службе. Вот и в экспедицию подался, дабы скрыться от карточных долгов. Словом, можно считать его присутствие в зале весьма примечательным и экзотичным.

А вот Афанасию Федотовичу Шестакову тут пришлось тяжело. Если он и беспокоился в Санкт-Петербурге о собственной одежде, то более о теплом исподнем белье и вязанной шерстяной рубашке, что придают телу тепло и приятность свободы в движении. Благо хоть прихватил пожитки, в коих хаживал по столице. Вещи добротные, слов нет, но во всем подчеркивают простолюдина безродного. Скрипя зубами от злости, он старался держаться в сторонке, надеясь исчезнуть при первой возможности.

Неожиданно оборвалась музыка и в залу вошел губернатор, князь Михаил Владимирович Долгоруков. Одетый в платье, что носилось при дворе императора, он сверкал, будто в золотой оправе, наглядно демонстрируя богатство и благородство своего рода.

Не сразу он отыскал среди гостей казачьего голову, а отыскав, испытал подлинное наслаждение.

– Что же ты, голова, в сторонке прячешься? – обратился он к нему с притворной любезностью. – В твою честь ассамблея устроена. Веди ко мне своих офицеров, представь их, порадуй старого сподвижника Великого Петра.

Багровея от сознания собственной нелепости, Шестаков подвел своих офицеров, Генса, Федотова и Гвоздева, к губернатору.

– Вот они, птенцы Петровы! – воскликнул с пафосом наместник. – Лететь им под парусами по морям восточным к землям Японским! Добрых тебе, Афанасий Федотович, помощников дали. За флотские дела можно не беспокоиться, а над солдатами и служивыми у тебя доброго обер-офицера нету! Вот я и повелеваю во исполнение желания императрицы. Назначаю старшим командиром над всеми воинскими и служилыми людьми, чтобы во всех баталиях неизменную викторию одерживать, капитана нашего драгунского полка, потомственного дворянина Дмитрия Ивановича Павлуцкого! И тебе, голова, в оной партии велю поступать во всем с общего согласия!

Афанасий Шестаков, сгорая от стыда, мало вслушивался в речь губернатора, уяснив для себя лишь то, что к нему назначается капитан Павлуцкий, и не более. Вот только поляков казачий голова не любил крепко, да еще взор капитана ему не совсем не понравился. Смеялся тот явно над казаком; впрочем, что тут поделывать, если и вправду смешон! Вскоре Шестаков покинул ассамблею, так и не осознав пока, насколько трагичны для него и всей экспедиции будут ее последствия.

В тот день в отличие от Афанасия капитан пребывал в эйфории: губернаторским повелением он назначен старшим офицером! Для Павлуцкого это означало главенство над всей экспедицией, обеспечивающее майорское звание, награды и в дальнейшем службу в гвардии.

Волею обстоятельств, злого умысла, а может, просто глупостью конкретных сановитых вельмож два, в общем-то, достойных человека стали врагами. Отныне твердость характера и смелость, целеустремленность, ум, широта мышления – качества, присущие обоим – будут направлены на подавление и даже уничтожение друг друга; и как бы они ни старались уберечь экспедицию от своих распрей, эти отношения неминуемо поведут ее к гибели.

7

Вечером в избу, где квартировал Шестаков, завалился пьяный Генс. Он и разъярил казацкому голове суть распоряжения губернатора.

– Не пойму я вас, русских! Что вы за народ! Голова одно велит, руки другое делают, а ноги вообще ундер-деферент. Обошел вас, сударь, капитан Павлуцкий. Теперь он главный командир экспедиции, а вы при нем помощником состоите.

– Господи! Что же дется?! – растерялся Шестаков. – Вот ты, штурман, слышал собственными ушами, как адмирал Сиверс величал меня главным начальником всего Камчатского края! Так?

– Так. А может, и не так. Разбирайтесь сами, господа!

После этих слов, что определили его позицию, Генс, пошатываясь, удалился на покой. Голова же глаз не сомкнул, придумывая страшные кары неожиданно объявившимся врагам. Жестокие картины рисовались одна за другой. Но наутро, немного поостыв и рассудив более здраво, решил: «Что же, господин губернатор! Будем играть: сами затеяли. Продолжу-ка разыгрывать роль глупого мужика. Здесь, в Тобольске, пусть ваша возьмет: а то не ровен час и на дыбу могу угодить. Подождем. Но как до Усть-Кутского или Чечуйского острога доберемся, сразу тебя, капитан Павлуцкий, в бараний рог скручу: там губернатора с драгунами нет и никогда не будет! Вы, господа хорошие, ведь тоже понятия не имеете об Якутске и тем паче об Анадыре, а у меня там вся жизнь прошла! Сия экспедиция мною задумана, и я буду ей голова, за это готов жизнь положить!»

Наутро Афанасий Шестаков занялся делами как ни в чем не бывало. Некому более порадовать об экспедиционном хозяйстве. Павлуцкий, кроме батальных дел, ни в чем не смыслит. Счета, и того не знает, в грамоте вовсе не преуспел, а тут хлопоты о снабжении, снаряжении большой команды! Все надо пересчитать, проверить качество, внести записи в книги. Для Афанасия тут особых трудностей нет: по молодости служил приказчиком в Анадырском остроге.

Неожиданное смирение казачьего головы капитана Павлуцкого удивило до крайности. Не ожидал он столь легкой победы. Долго наблюдал за тем, как проворно Шестаков занимается хозяйственными делами, не стал мешать и без всяких вопросов удалился.

«Способный к хозяйству казак, – отметил про себя капитан. – Я в этих котлах, справе, харчах, что и как хранить, перевозить, ничего не смыслю. Попробую с ним сойтись по-хорошему, лишний раз трогать не стану, пусть управляется пока самостоятельно, вплоть до прибытия в Якутск. Да и губернатор тоже посоветовал».

Так до поры до времени сложилось замирение: в данный момент оно устраивало всех.

Князь Долгоруков успокоился и стал дожидаться окончания срока губернаторства. Тем более, из столицы стали доходить добрые вести: после кончины императрицы Екатерины I и провозглашения императором малолетнего Петра II, внука Петра Великого, влияние князей Долгоруких при дворе резко пошло вверх. Даже замахнулись на самого Алексашку Меншикова.

А вот наших героев Шестакова и Павлуцкого судьба повязала накрепко; временное замирение более походило на пружину, что затягивалась медленно и поначалу без особого напряжения для того, чтобы в последний момент, когда усилий сдержать ее не хватит, придать событиям молниеносный рывок. Рывок такой силы, что распахнет человеческие души, перевернет жизнь всех участников экспедиции, поставив героев перед жестоким выбором и внося новый драматизм в их судьбы.

8

В конце ноября 1727 года экспедиция Шестакова покинула город Тобольск и по свежему зимнему насту устремилась на восток. Сейчас ее целью был Якутский острог – последняя база перед рывком на Анадырь и Чукотку.

Вторая сотня лет завершается, как русские пребывают в Сибири. Немало городов и островов поставлено. Но вызывает наибольшее уважение в мире и бесценна для самого необъятных размеров края та транспортная сеть, что охватила всю сибирскую территорию и действует круглый год по расписанию. Лишь на осеннее да весеннее перепутье прерывается ее работа.

О Великом сибирском тракте разговор не идет. Тот еще формируется и пока только до Тюмени обеспечивает непрерывную транспортную ямщицкую службу. С некоторой натяжкой можно говорить о Томске, но не более.

Главное преобразование края заключалось в том, что наряду с привычными водными маршрутами по большим сибирским рекам, их притокам, через волоки, повсеместно сформировался и зимний тракт, со своей ямщицкой службой и укрепленными зимовьями. Дорога по сухопутью – явление, конечно, редкое – разве что, если спрямляет серьезный крюк, – а так, по речному льду несутся ямщицкие тройки, нарты, запряженные оленями, а то и собачьи упряжки. Это более чем вдвое сократило время на дороге.

Ранее путь от Тобольска до Якутска можно было разбить на три этапа. Первый – это сплав по рекам бассейна Оби. На ладьях, дощаниках, стругах, ушкуях первопроходцы по Иртышу, далее вверх по Оби и реке Кеть добирались до Маковского острога. Тот представлял собой перевалочную базу, где имелись амбары, заезжие дома, бани и прочее необходимое для хранения грузов и краткого отдыха. Отсюда тянулся волок до Енисейского острога. Путешествие в сезон навигации занимало три-четыре месяца. Далее путешественник оставался в Енисейском остроге зимовать на долгие восемь месяцев, включающих осеннюю и весеннюю распутицу. Лишь когда полая вода спадала в конце мая, путешественники уходили далее. Их путь пролегал по рекам Енисейского бассейна: сначала вверх по Ангаре, далее по реке Илим, и снова волок – теперь к верховьям реки Кут, что впадает уже в верхнее течение Лены. Сплав по реке Кут – и путешественники возле Усть-Кутского острога. Если он сверх меры загружен посто-яльцами, можно было успеть спуститься вниз по Лене до волока с одноименным названием и остановиться в Чечуйском остроге.

Легендарный Чечуйский волок! То первый путь, через который русские первопроходцы вышли на реку Лена. Природа создала здесь удобный волок, соединяющий верховья Нижней Тунгуски с Леной. Эта дорога в старину была главной для мангазейских и туруханских служилых казаков.

В Усть-Кутском или Чечуйском острогах предстояло зимовать вторично. Ну а ранней весной по полой воде путешественники сплавлялись до Якутского острога: время в пути отсчитывал уже третий год. Зимовья, хутора, заимки – уже не редкость по сибирским рекам. Повсюду появился скот, возделывается пашня, а где пашня – там и кони. Быстро начала развиваться ямщицкая служба. Зимний извоз – дело прибыльное: из казны кормовые и дорожные денежки выдают исправно. Как лед станет, зазвонят колокольчиками ямщицкие тройки. Надо заметить, что зимняя дорога значительно приятнее и сытнее, и скорость движения быстрее, особенно если сравнить со сплавом вверх по реке, да еще по малой воде на бечеве!

Напомним, что из Москвы Анадырская экспедиция отправилась числом неприметным, и снаряжение было дадено только морское, но после Тобольска все изменилось. Присоединились четыре гренадера и шестеро солдат – то гвардия капитана Павлуцкого. По запросу Шестакова прислали двадцать ссыльных для поселения в новых местах. Людишек Тобольск дал немного, но на припасы не поскупился. Тут тебе и пушки с мортирами, зелье к ним, ядра, судовые

снасти, продовольствие, скарб на все случаи хозяйствования, оснащение для всяческих служб и воинских батальонов. Экипировались так, что анадырский обоз растянулся на целую версту.

По пути следования он обрастал людьми наподобие снежного кома. Все сибирские города принимали, согласно разнарядке Сената, участие в оснащении экспедиции.

Енисейск и Красноярск дали восемьдесят три человека, Иркутск – двадцать четыре, да на Илеме Шестаков завербовал два десятка крестьян для вспомогательных работ: изготавливать лыжи, нарты, лодки, заготавливать провиант охотой, рыбалкой, сбором грибов и ягод.

К весенней распутице добрались, как и намечали, до Усть-Кута. Из-за многолюдства расселились по всем зимовьям, включая Чечуйский острог. Здесь предстояло провести месяца два, до полой воды, а пока готовили лес и ладили лодки для сплава.

Соскучился Афанасий по родной реке Лене. Вскружила она своей вольницей казаку голову. Решил Афанасий, что пора показать Павлуцкому, кто здесь хозяин; и случай себя ждать долго не заставил.

В составе экспедиции находился некий матрос Василий Петров. Он следовал с Шестаковым от самого Санкт-Петербурга и поначалу исполнял обязанности денщика, но в дальнейшем за расторопность и сообразительность стал правой рукой казачьего головы.

Как-то наблюдая работы на Чечуйском плотбище, казачий голова углядел, что готовые дощаники лежат на берегу в десяток сажень от кромки льда. Оно вроде расстояние приличное, но кто знает, как высоко ныне, в половодье, поднимется своенравная Лена.

Порасспросив местных старожилов, Афанасий решил, что перетащить лады подальше будет нелишним.

«Береженого и Бог бережет», – подумал голова и кликнул матроса Петрова.

– Ступай, Василий, на плотбище, – велел Афанасий, – и передай мужикам, чтобы готовые лады еще сажень на пять от воды к пригорку перетащили. Обильно ныне снегу выпало, не ровен час заломает их льдом.

Расторопный матрос поспешил исполнить распоряжение начальника, но, на беду, столкнулся со штурманом Якобом Генсом. Тот уже с утра изрядно приложился к хмельной браге и вот решил развеяться на плотбище, где всю кипела работа.

В последнее время Генс особенно сдружился с капитаном Павлуцким. Неопределенность в руководстве экспедицией уже давно поделило команду на два лагеря. Старые служилые казаки держались за Шестакова: казачий голова был для них по-человечески ближе, располагали к себе его основательность и добропорядочность, в общем, они с охотой исполняли его распоряжения. Походные дела и заботы, столь для них привычные, и легли в основном на их плечи. Другая половина, состоявшая из дворянского сословия и солдат, была на стороне капитана Павлуцкого. Первые – оттого, что это сулило им более комфортное существование, ну а солдатам выбора никто и не предлагал. Обер-офицер согласно уставу для них – и Бог, и царь, а капитан Павлуцкий и штурман Генс имели старшие офицерские чины.

Завидев спешившего матроса, Генс решил продемонстрировать всем, что такое флотская дисциплина.

– Эй, матрос, – окликнул его штурман, – подойди сюда!

– Извиняйте, господин штурман, некогда мне. Афанасий Федотович наказал готовые лодки на пригорок поднять. Говорит, не сегодня, так завтра ледоход двинет, как бы не изломало.

У стареющего голландского штурмана потемнело от злобы в глазах, распаленный алкоголем мозг требовал крови. В гневе забыв русскую речь, он набросился на бедного Петрова, низвергая на него отборную голландскую ругань, а тяжелые кулаки штурмана стали увечить беззащитного матроса.

Один из казаков поспешил за Шестаковым, другие пытались увещевать штурмана. Редко кто мог позволить себе на Лене столь бесцеремонное обхождение. Но Генс продолжал обхаживать Петрова, потерявшего сознание до прихода Шестакова.

Казачий голова без лишних церемоний огрел разбуянившегося штурмана подвернувшейся под руку оглоблей и велел казакам тащить его до своей избы, где и запер в пустом амбаре.

Все в тревоге ожидали развития дальнейших событий. Утром к Шестакову в сопровождении десятка солдат пожаловал капитан Павлуцкий.

– Будьте добры, Афанасий Федотович, освободите из-под стражи штурмана Генса.

– Генс избил моего денщика и будет отвечать за это!

– Что же по-вашему? Если я изобью солдата, тоже пойду под арест? – усмехнулся капитан.

– Штурман за избиение матроса будет отправлен обратно в Тобольск! – заявил в ответ Шестаков.

– Здесь я буду распоряжаться! Хватит представлений! – взорвался капитан Павлуцкий.

Стали подходить вооруженные казаки. Окружив своего голову, они враждебно смотрели на солдат.

– Освободите Генса! Либо я прикажу солдатам сделать это силой оружия.

Шестаков взглянул на солдат. Те были взволнованны, но готовые исполнить любой приказ капитана.

– Кровь, пролитая православным людом, будет слишком большой ценой за этого голландского прохвоста, – вздохнул Шестаков. – А вы, капитан, еще успеете пожалеть о случившемся.

9

Путешествие экспедиции по сибирской тайге и рекам заняло семь месяцев. В июне 1728 года все благополучно прибыли в Якутский острог. В дороге произошел еще один примечательный случай. Шестаков и Павлуцкий имели честь свидеться с командором Первой Камчатской экспедиции Витусом Берингом. Тот пребывал в полной меланхолии. Три года тяжелых испытаний – и отсутствие каких-либо серьезных результатов. За такие деяния экспедиции его, командора, в столице не пожалуют. Казалось, безразличный ко всему командор соизволил выслушать Шестакова и без особых разговоров выдал ему распоряжение о передаче судов экспедиции и копию итоговой карты с подписью «Рисовал мичман Петр Чаплин».

Верно будет сказано, что дорога к восточному порубежью Российской империи была весьма известной для Тайной канцелярии. Польза от тех земель оказалась нешуточная, оттого и популярна в пользовании. Человек пропадает там, будто в преисподней, подчас и сыскать невозможно. Опальных людишек, особенно за государственные измены, шлют сюда изобильно. Всех не счесть. Но об одном все же должно поведать. Так уж распорядится провидение в своем рукоделии, шитом человеческими судьбами, сделав его волею Создателя персонажем нашей истории.

То некто Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. Герой Полтавской битвы, генерал-майор, начальник Артиллерийской конторы Военной коллегии. В нынешнем году за участие в заговоре против престолонаследия будущего Петра II был арестован по велению Меншикова и сослан на поселение в Сибирь. Скорняков-Писарев – личность знаменитая. Бомбардир-капитан, любимец Петра, он вознесся до верхнего уровня власти, а известность приобрел более за буйный нрав и безмерную гульбу, столь обычную для Петровского окружения. И ведь что поразительно: разудалый гуляка и дебошир, скандалист, не раз затевавший драки, ссоры и склоки в Сенате, он обладал блестящими инженерными способностями, великолепными по тем временам знаниями геометрии, математики, механики. Набедокурил Григорий так, что даже благоволившая к нему императрица Екатерина не выступила его заступницей. Место для ссылки было определено дикое, даже не острог какой, а Жиганское зимовье, что на север восемьсот верст от Якутска. Только там, пожалуй, и представлялось возможным образумить Петрова бомбардира.

Глава третья. Якутский острог

*Любой из живущих на севере
верит в свою звезду.
Звезды здесь близко,
светят как лампы,
холодны и колючи.*

Олег Димов

1

29 июня 1728 года. Не успел Якутский острог войти в привычную жизнь после переполоха, устроенного первой экспедицией Витуса Беринга, как пришло известие о скором прибытии Анадырской экспедиции.

О том, что пять лет назад Якутский казачий голова Афанасий Шестаков отбыл в Санкт-Петербург, помнили уже немногие. Сменился за эти годы воевода, многие дружки сгинули в бескрайних просторах Сибири или благополучно, по мирским обычаям, отошли в мир иной. Особую шутку судьба сыграла с Афанасием насчет воеводы.

Якутским воеводой в эти годы пребывал стольник Иван Иванович Полуэктов. Примечательно, что стольник был направлен в Якутск с должности иркутского воеводы. Иркутск город разрядный, а Якутск в его ведомстве. Так что понижение в должности у Полуэктова было весьма значимо. Но не это главное. Главное, в переплетении человеческих судеб. На смену Полуэктову в Иркутск прибыл лейб-гвардии капитан-поручик Михаил Измайлов. Тот самый, что, будучи воеводой в Якутске, отправлял и рекомендовал Шестакова в Санкт-Петербург. Поэтому нет ничего удивительного в том, что воевода Иван Иванович Полуэктов встретил Шестакова с большой неприязнью, причем скрытой под вуалью крайней любезности. Ведь капитан-поручик Измайлов, оставаясь сторонником Афанасия, являлся сейчас непосредственным начальником Полуэктова.

Но были люди, что все эти годы только и уповали на возвращение казачьего головы во главе экспедиции. Крепкие корни пустил Афанасий в Якутской земле. Здесь его сын, племянники – все взрослые казаки, готовые, не задумываясь, исполнять его волю.

Был среди них и приятель головы, Иван Козыревский. Личность весьма известная в тех краях, особенно удивительными превратностями судьбы, умом и неукротимым нравом. Над Иваном висел тяжелый рок, и не было от него никакого спасения.

В молодости он был поверстан в казаки Нижне-Камчатского острога. За обиды и тяжкие издевательства со стороны Атласова, у которого пребывал в услужении, связался он с бунтовщиками, с коими предал смерти трех камчатских приказчиков, в том числе и Атласова. Можно сказать, что под корень вывели на Камчатке сие племя.

За атамана у них был казак Анцыферов, а Ивана Козыревского поставили есаулом. Мыслили бунтовщики взять цареву казну да уйти на жительство в дальние края, на неведомые острова. Атамана за грехи тяжкие вскорости Бог прибрал: кончили его изменные камчадалы, а вот Ивану досталась другая доля.

Большими делами и опасными службами искупил он вину перед государем. Бывшие смутяны достигли и покорили острова Курильской гряды: Шумшу, Парамушир, Онекотан; были собраны первые сведения о других островах гряды и Японии. А вот у Бога вымолить прощение

оказалось гораздо сложнее. Принял Иван Козыревский монашеский постриг и звался теперь Игнатием. Но с Богом у него все равно не ладилось, и неукротимый монах Игнатий находился в глубокой опале у якутского архиепископа Феофана.

Зная все грехи и воровские делишки камчатских приказчиков не понаслышке, он всячески радел за скорейшее крещение в православие местных инородцев, тем более что веры у них другой особо не было. Так, старые причуды с духами и шаманские фокусы. Но, как ни странно, именно эта его деятельность и стала основной причиной конфликта. Объясняется-то она просто. Нет резона крестить инородцев, которые станут после того полноправными гражданами Российской империи. Как же тогда, спрашивается, возьмешь ясак? А так, некрещеный, он по-прежнему ясачный инородец.

Решил тогда монах построить на свои деньги судно, чтобы уйти на нем Северным морем земли американские открывать. Назвал то судно не именем святого, как в обычаи, а иноземным словом «Аверс» – на диво всем православным и проклятие Феофана.

За строительством этого судна и застал его по прибытии в родные края Афанасий Шестаков.

– Слава Богу! Услышал мои молитвы! – возрадовался монах. – А я вот решил уже в одиночестве бежать от мирских забот, найти остров необетованный да келью там себе устроить. Народ сказывает, что ты уполномочен самой императрицей командиром всего нашего края?

– Оно вроде так, и грамота имеется! Но преставилась императрица Екатерина, и Долгоруковы верх взяли, посадив на трон Петра II, внука Петра Великого. Тобольский губернатор князь Михаил Владимирович Долгоруков все и переиначил. Своим указом поставил надо мной драгунского капитана Павлуцкого.

– Ты, Афанасий, не поддавайся, скрути того капитана в бараний рог. Молва идет, что малолетний император Петр захворал, не ровен час Бог и его душу приберет.

– Что же ты, Игнатий, лодию свою именем непотребным обозвал? «Аверс» – слово басурманское, не понятное люду православному, – полюбобытствовал Шестаков.

– А ты, голова, играл когда в зернь? Не нынешняя, с костями шестигранными, а та, старинная, когда мечешь пластинки костяные с черной и белой сторонами? Вычитал я в одной книге, что «аверс» на иноземном языке означает «лицевая сторона», что по игре в зернь есть белый цвет. Вот я и попытаю свою жизнь, брошу зернь! Авось «Аверс» и вынесет меня из черного проклятия на свет Божий.

Сидели товарищи рядом долго, молча, думая каждый о своем. Неожиданно Игнатий попросил:

– Ты бы, Афанасий, дал человечка, смышленного в делах судовых. Поспешаю! Хочу нынче же отбыть вниз по Лене!

Вскоре ботовых дел мастер Иван Спешнев и два казака родом из Архангельска по просьбе Шестакова трудились на якутском плотбище, помогая монаху Игнатию.

2

О том, что Шестаков отдал в наем безумному монаху людей из экспедиции, сразу же узнал штурман Генс, о чем немедленно и донес Павлуцкому.

– Ну что же, – решил капитан, – пора ставить Шестакова на место. До Якутска добрались, далее и без него обойдусь, а повод вполне подходящий.

Надев мундир, повесив на пояс широкую драгунскую шпагу, капитан Павлуцкий явился к пирсу, где на ладье «Аверс» шла дружная работа.

Капитан невольно залюбовался увиденным. Рьяно светило солнце, играя вспышками зайчиков на речной ряби, видимо, стараясь излить на землю все свое тепло за столь короткое лето. Судно уже спустило на воду, и Спешнев с казаками ладил мачту. Тут же крутился дюжий монах, за всеми поспешая и задавая тон работе. Нашлись и праздные зеваки, что, сидя на берегу, наблюдали за ладной работой. Для полноты представления не хватало лишь казачьего головы.

Капитан надумал даже вернуться и не затевать ссоры, но судьба уже давно во всем определилась. На плотбище появился и Шестаков. Все складывалось аккуратно, как предполагалось. В наличии два главных героя, отрицательный персонаж – штурман Генс и даже доброжелательная публика.

Действие развивалось стремительно и необратимо. Павлуцкий, не замечая Шестакова, поднялся на борт «Аверса» и, распаляя себя, накинулся на Спешнева. Тот, не совсем понимая причину ярости капитана, оправдывался:

– Но позвольте, господин капитан! Мне начальник экспедиции Афанасий Федотович распорядился.

– Здесь я начальный командир, капитан драгунского полка Павлуцкий, а не мужичий голова! – взревел тот.

Окончательно распоясавшись, Павлуцкий схватил за шиворот мастера и со всего маху кубарем швырнул его вниз по трапу. Именно в этот момент и скрестились взгляды наших героев.

Подтянутый, представительный Павлуцкий в ладно сидящем на нем офицерском мундире и одетый в добротный легкий зипун немолодой, но крепко сбитый, коренастый казак – каждый хорош по-своему! Глаза их пылали такой яростью, что, казалось, они испепелят друг друга.

Не будем искать виновного, ибо такового здесь не было. У каждого из них имелась своя правда; у того и другого в кармане лежала грамота о собственном назначении, поступиться которым для обоих было зазорно, а посему для слов места уже не оставалось.

Павлуцкий выхватил из эфеса шпагу:

– Пускай клинки решат, кто из нас начальный командир, – срывающимся от ярости голосом выкрикнул капитан, – иначе нам не разойтись!

– Господин капитан, видимо, запомнил, что шляхтичу с казаком не к лицу биться на саблях, – усмехнулся Шестаков. – Лучше на кулаках разобраться, а то порубаешь шляхту и сам на плаху угодишь.

Это был предел. Швырнув шпагу, Павлуцкий бросился на своего врага. Зрители затаили дыхание. Драки на Руси – дело обычное, но чтобы капитан драгунский да голова казачий сошлись грудками – то в редкость. И надо заметить, бойцы оказались отменные. Кулачным боем оба владели в совершенстве, но в данный момент все условности русской забавы были забыты.

Удары наносили и в грудь, и в голову. Били до крови, не жалея кулаков. Удары Афанасия, что удары молота. Казалось, слышится треск костей, когда железные кулаки казака дости-

гали противника. Только благодаря проворству и молодости устоял Павлуцкий после первого натиска. Удары капитана попадали в цель чаще, но терпимо переносились Шестаковым: старая закалка тоже кое-что значит.

Долго бились противники, пока не обессилили и не пали оба на землю. Поединок едва не закончился массовой дракой. Горячо обсуждали случившееся свидетели боевого представления. Единства в признании победителя не наблюдалось.

Драка окончательно развела противоборствующие стороны. Примирение невозможно, а победитель не определен. Теперь каждому члену экспедиции предстояло решать, на чьей он стороне; для команды в целом это означало, что неминуем раскол.

Более всех происшедшее обескуражило воеводу Полуэктова. К тому же Павлуцкий подал в воеводскую канцелярию официальное донесение на Шестакова, обвинив его в бесчестии и всяческих непотребствах. Воевода затребовал к себе с бумагами обоих воинствующих претендентов на лидерство в экспедиции. Долго он изучал грамоты, но, к великому сожалению, к благостному разрешению конфликта так и не пришел.

Во всех документах однозначно звучало: капитан Павлуцкий как обер-офицер командует всеми людьми воинского звания. Сибирский губернатор в своем указе хотя и называет шляхтича первым командиром, но тут же предписывает ему и казачьему голове едино поступать в оной партии во всем и с общего согласия. Опять же Шестаков во всех грамотах значится главным распорядителем денежных средств, фуража и всего имущества экспедиции. Даже Охотская флотилия и гарнизоны камчатских, чукотских острогов передаются в распоряжение казачьего головы. Выходило, что во многих вопросах Афанасий был значительно выше самого якутского воеводы.

Напутали господа сенаторы, верховники да и губернатор сибирский так, что теперь едва ли удастся распутать. Санкт-Петербург далеко, годами ждать будешь разъяснений, да и то запутают еще более. Вот и решил для себя воевода:

– Не буду, однако, никому перечить, но и исполнять не поспешу. Может, оно как-нибудь и утрясется все само собой.

3

К августу «Аверс» Игнатия был готов полностью. Неплохое вышло судно для речной навигации. Все свои капиталы потратил монах на его строительство. Как говорится, остался без кола и двора, да они, в сущности, и ни к чему опосля пострига.

Большими трудами и дорогой ценой удалось Афанасию сломить сопротивление архиепископа Феофана. Лишь объявив плавание «Аверса» частью экспедиции и делом государственным, смог получить молчаливое согласие, но никак не благословение.

– Проведывания Ленского устья и от Северного к Восточному морю ходу, то прописано мне в указе государыней, – доказывал Шестаков воеводе и Феофану. – А более поручить некому, да и ладьи нет подходящей. Или вы на свои сбережения постройте?

Ну да ладно, все бы ничего, но вот с командой получилась незадача. Шибко лихая слава укрепились за Игнатием. Уважением и влиянием он пользовался немалым, но сомнения, опасения разного рода удерживали людей от совместного с ним предприятия. Дескать, с неукротимым монахом судьба может забросить куда угодно, а тут еще архиепископ анафеме предает – прямая дорога на тот свет! Не нашлось, словом, в Якутске желающих пойти в команду на «Аверс».

Это сильно удручало Игнатия. Люди чурались, не веря, что удача может ему улыбнуться.

– Ты бы, Афанасий, выделил мне пару матросов из своих. С ними до Жиганска дойду, а там найму команду. Неужто в вольных Жиганах перевелся отчаянный люд!

Так «Аверс» и ушел из Якутского острога без команды, в гордом одиночестве.

Вся эта затея изначально кажется неразумной, следствием человеческого отчаяния или просто воспаленного недугом мозга. Поморы неоднократно, если не постоянно, совершали длительные переходы вдоль северных берегов, но то на кочах, приспособленных для плавания во льдах, с усиленными дубовыми досками бортами, способные за счет яйцевидной формы корпуса при сжатии льдом оказываться на его поверхности. Ко всему – большой опыт плавания во льдах, когда выжидаешь подходящее время и чуть ли не интуитивно идешь по ледовому лабиринту. В случае с «Аверсом» ничего подобного не было.

Жиганск в те годы еще был славен своей удалей и волей, но его звезда неумолимо клонилась к закату. По-прежнему сюда на зимовку большим числом стягивается промысловый и гулящий люд. Всю долгую зиму кутят мужики в банях, блуднях и питейных домах. Мечут зернь, проигрывая подчас все имущество и залезая в долговое ярмо. Однако не все так, как в былые времена. Надежно обосновались здесь теперь и приказчики государевы, и таможня. Хотя и закрывают глаза на многое, но свой интерес прежде всего блюдут, копейку мимо себя не пропустят.

Приказчиком ныне пребывает некто Иван Шемаев, человек скверный и к тому же жестокий. Вольный Жиганск признавал только силу и принцип – каждый сам за себя. Для сильной артели лучшего места для зимовки не найти. Властям до такой ватаги нет дела, но, появившись кто послабее, сразу насядут и сожрут. С жиганского приказчика спрос невелик: ясачные дела правят сами якутские служилые, а он скорее – так, для догляда и доноительства. Тем более, что в последнее время здесь ссыльные появились.

Когда Иван получал грамоту на должность приказчика, милостивец-воевода без обиняков заявил:

– О жалованье государевом даже не помышляй, пушай должность кормит.

Зазвал приказчик к себе на службу десятков казаков из гулящих и давай чинить произвол – вымогательство и душегубство. Для Жиганска такое привычно, и толков не вызвало.

Летом 1728 года в зимовье объявился ссыльный государственный преступник Григорий Скорняков-Писарев. Казаки доставили его в кандалах, сдав приказчику, с облегчением вздох-

нули и без лишних слов тут же – в обратный путь. Это показалось приказчику весьма странным, ведь Вольный Жиганск по всему Якутскому уезду, если не сказать, по всей Восточной Сибири, славен своими заведениями, кои служилый человек миновать был не в силах.

Грязный, измученный дорогой Григорий, усевшись на деревянную лавку, хмуро наблюдал за приказчиком. Тот, напротив, был расположен благодушно, полагая, что казенный поселенец развлечет его и скрасит серые будни.

Даже в драной одежде незнакомец виделся человеком солидным и состоятельным. Наметанным взглядом Шемаев сразу разглядел золотое кольцо с драгоценным камнем, хотя было оно повернуто и зажато ладонью. Кроме того, в сенях был оставлен сундук с вещами ссыльного, что с виду предполагал содержание доброй рухляди. Кряжистая фигура Григория, свидетельствующая о недюжинной силе, не произвела впечатления на приказчика: в Жиганске мелкие людишки не водятся.

– Я завсегда с милосердием отношусь к ссыльным и облегчить страдание ближнего считаю для себя благостью! – с пафосом заявил приказчик, к немалому изумлению находившихся тут же, в избе, конвоиров-казаков. – Кузнеца сюда! – приказал он канцелярскому службе. – Велю снять железа и определить избу для узника, – и, заглянув в документы, уважительно, с расстановкой произнес: – Григория Скорнякова-Писарева.

На самом же деле высокородная фамилия не произвела на Шемаева ни малейшего впечатления; а уважение к ссыльному государственному преступнику у сибирских приказчиков вовсе не в обычае, будь то хоть князь. Зато от закипающего желания распотрошить столичного индюка даже руки зачесались.

Вскоре пришел кузнец и расклепал кандалы. Григорий с удовольствием растирал руки, с благодарностью рассматривая приказчика.

– Славный ты человек, погляжу! Как тебя кличут от роду? – молвил он и потребовал кувшин вина.

Приказчик и тут распорядился:

– Здесь, в Жиганске, ваша милость может получить все что пожелает.

– Тогда распорядись, чтобы баньку мне с дороги истопили да бабу из блудни привели, – Григорий стал приходить в себя.

Все для вашей милости исполню! Только это денежек стоит, и жиганские цены немалые, – вкрадчиво произнес хитрый приказчик.

Григорий достал серебряный рубль и бросил на стол.

– Это за кузнеца! А за баню с девкой пожалуйста ваше колечко, – уже не стесняясь, затребовал Шемаев.

От такого бесстыдного обдирательства природная злость охватила капитана-бомбардира Петровской эпохи. От напряжения, с которым он стиснул кулаки, хрустнули суставы.

– Ах ты, рожа поганая! – прорычал бомбардир. – Ты у меня сам вместо девки будешь! – И, более не объясняясь, двинул приказчику кулаком в челюсть.

Тот взвыл от боли. Выбитая челюсть безобразно отвисла, а слюни и кровь ручейком хлынули на пол. На крик прибежали казаки. Григорий от души раздавал тумаки направо и налево, пока горница сплошь не заполнилась служилыми людьми. Герой Полтавской битвы был повержен на пол, вновь закован в железо и с колодой на шее брошен в аманатскую избу.

К счастью, кость у приказчика уцелела, и костоправы-умельцы благополучно водворили челюсть восвояси. Звонко клацнули зубы, раздался пронзительный вой пострадавшего – все обошлось малой кровью.

К беспомощному бомбардиру после излечения тут же заявился приказчик. Он бесцеремонно, силой, отнял кольцо. Григорий только и смог в ответ вцепиться зубами тому в камзол и вырвать клочок добротной ткани, на что невозмутимый Иван Шемаев заметил:

– Если не образумишься и не укротишь гордыню, утоплю в Лене-реке, как шелудивого кутенка!

В лихой переплет попал «птенец гнезда Петрова»; и то ладно, что живым остался и сохранилась надежда на Провидение Господне.

4

Появление у здешнего плотбища «Аверса» внесло приятную свежесть в местную жизнь. Вокруг только и обсуждали сумасшедшего монаха, набирающего команду себе подобных, чтобы непременно нынче уйти в Северное море.

– Что за нужда такая на верную гибель идти? – дивились бывалые поморы, пытаясь образумить монаха. – Доведи до ума ладью и на следующий год пытай счастье, авось и пробьешься сквозь льды. И поменяй название посуды: негоже поганым или бранным словом коч кликать, к беде это. Морские кочи тем более именами святых мучеников называем: подчас на них остается одна надежда, мольбами нашими святой часто подсобляет!

Но Игнатий оставался глух к добрым советам и с упорством обреченного рвался на Север. Служить на его судне никто так и не осмелился, за исключением нескольких гулящих, выкупленных монахом из кабалы у банщика. Тем, однако, тоже терять было нечего.

В сентябре «Аверс» прошел правым рукавом дельты Лены и отправился в Северное море. Еще зеленел травой берег, исхлестанный за лето морскими волнами. Огромные чайки кружили, недоумевая, вокруг мачты, с раздражением оглашая округу пронзительным криком. Сивучи, задрав вверх бивни, мощным рыком приветствовали смельчаков. Впереди у горизонта маячили одинокие льдины.

На пятый день пути ледяные громады окружили «Аверс» со всех сторон. То, что должно произойти, в конечном счете случается: стиснутое торосами суденышко раскололось с легкостью грецкого ореха.

Покидав в байдару провизию и теплые вещи, прихватив с собой безумного монаха, поморы успели покинуть тонущее судно.

5

В Якутском остроге работа экспедиции набирала обороты. С отчаянным упорством Афанасий Шестаков стремился претворить в жизнь разумением выношенные, сердцем выстраданные грандиозные планы. Основной его и команды задачей, как предписывалось указом императрицы и Сенатом, было проведывание новых земель, присоединение их к Российской империи и замирение инородцев. В полное распоряжение Анадырской экспедиции отдавались со всеми острогами, флотилиями и гарнизонами Чукотская земля, начиная от реки Колымы, и полуостров Камчатка.

Экспедиция в общей сложности насчитывала до шести сотен участников; в ее ведение передавалась вся Охотская флотилия, запасы продовольствия и снаряжение, сконцентрированное на якутских складах. Всего было в достатке, за исключением единства начальствующих лиц, что порождало разброд и шатания, падение дисциплины среди служилых людей и дезертирство.

Чтобы понимать дальнейший ход событий и поступки наших героев, самое время подробнее представить предполагаемый план действия экспедиции.

Исходным пунктом, главной базой и источником резервов был Якутский острог – административный центр всех северо-восточных земель. Отсюда уходил люд на промыслы, а служилый человек – до своего острога; сюда стекалась и мягкая рухлядь от ясачных сборов с инородцев.

Якутский воевода Иван Иванович Полуэктов обязывался высоким Сенатом всячески содействовать и блюсти интересы Анадырской партии.

План Афанасия Федотовича Шестакова был таков. Прежде всего, из Якутска отправить отряды на усиление гарнизонов Охотска, Нижнекалымского и Анадырского острогов. Это далеко не все задействованные укрепленные поселения. Кроме них, привлекался Охотск как порт на восточном море и источник дальнейшего снабжения морем, Камчатские остроги: Большерецкий, Верхне-Камчатский и Нижне-Камчатский. Главным форпостом края определялся в дальнейшем Анадырский острог, стоящий в центре немирной Чукотской земли. Впрочем, он уже многие десятилетия был таковым, неся нелегкую службу в бесконечных стычках и осадах.

Из Якутска или Нижнеколымска планировалось снарядить морскую экспедицию. Перед ней ставилась задача пройти берегом Северного моря до Анадырского залива и подняться до острога. Дорогой надлежало проведать неизвестные прибрежные острова и берег на предмет обнаружения поселений береговых чукчей, а в дальнейшем, курсируя вдоль побережья, поддерживать сухопутные отряды.

Основные силы, имущество и продовольствие перебрасывались в Охотск. Отсюда снаряжались несколько морских экспедиций. Одной предстояло изучение побережья Охотского моря, другая должна была заняться переброской людей и грузов на Камчатку в Большерецкий острог, а третья – отправкой воинских отрядов в Пенжинский залив, откуда те сухопутным маршрутом уйдут на Анадырь.

Таким образом, продвижение русских сил сухопутным путем на Анадырь предполагалось осуществить с трех сторон: от Нижнеколымска, Пенжинского залива и с Камчатки. Северными и восточными морями курсируют флотилии, подвозя людей, грузы и всячески поддерживая основные сухопутные силы Анадырской партии. Дорогой им положено приводить под государственную руку всех инородцев, если не миром, то силою оружия. В результате этого масштабного наступления в кольцо оказывались все немирные племена, и возможность их уничтожения не исключалась.

План соответствовал первоначальным помыслам казачьего головы и был отписан Сенатом к действию. Но чем активнее Шестаков пытался претворить его в жизнь, тем активнее было противодействие.

Про ушедший на свою гибель «Аверс» нам уже известно, да и Шестаков не надеялся на его удачу, поэтому отправка в Нижнеколымский острог отряда пятидесятника Василия Шипицына рассматривалась как основной вариант. В устье Колымы отряду вменялось построить морское судно и идти на нем в Анадырь. Пятидесятник получил даже от Шестакова товарную казну, содержащую табак, медные котлы, ткани, топоры, посредством которых предполагалось возможным попытаться установить отношения с береговыми чукчами исключительно мирными деяниями.

Но, завершив снаряжение отряда, пятидесятник переметнулся на сторону Павлуцкого и остался в Якутске, за что вскоре получил чин казачьего сотника.

Целый год для экспедиции был потерян, год бесконечных споров и стычек. На Афанасия Шестакова ополчились все: воевода, архиепископ Феофан, капитан Павлуцкий. Они всячески противодействовали казачьему голове, не заботясь о том, что наносят непоправимый вред делу Анадырской партии. Бесконечные жалобы и доношения на казачьего голову буквально засыпали канцелярию сибирского губернатора.

К лету 1629 года в Якутск возвратился монах Игнатий. Сломленный, без гроша за душой, он был жалок, но это лишь вдохновило архиепископа Феофана с еще большим азартом наброситься на своего идеологического противника. Недюжинными усилиями удалось Афанасию вырвать товарища из его лап. Ссудив Игнатию денег на дорогу и чуть ли не силой и угрозами вырвав у воеводы дорожные документы, он отправил его в столицу на покаяние.

За год, проведенный в Якутске, большинство участников экспедиции переметнулись к капитану Павлуцкому. Одни изначально держались за капитана согласно уставной субординации, другие ради праздной жизни, что вели его сторонники. Лишь якутские казаки да матросы, общим числом в сто шестьдесят человек сохранили верность казачьему голове.

6

В то время, когда Шестаков тщетно бился за развертывание экспедиции, капитан Павлуцкий в качестве стороннего наблюдателя пребывал в полной бездеятельности, заботясь исключительно о благополучии верных ему служилых людей. Но время шло неумолимо, и капитан – человек неглупый, начал осознавать, что за такое безделье по головке не погладят.

Шестаков упорно сопротивлялся, сдаваться либо идти на мировую не желал. Так далее продолжаться не могло, и капитан, находясь у воеводы, поднял этот вопрос:

– Как там Афанасий Федотович поживает? А то, знаете, мы с ним во врагах ходим, не общаемся.

– Да как поживает? Все по-прежнему: бьется болезный, о делах хлопочет, письма императору малюет, меня порубать грозит, – отвечал воевода.

– А ты, Иван Иванович, что же, безграмотный? Сам отчего не напишешь жалобу?

– Вроде как не на что! Да и не к чему мне высоко взлетать, и так в немилости. Можно в приказчики на Камчатку угодить!

– Император отчего не отвечает на жалобы Шестакова? Как мыслишь? – продолжал допытываться Павлуцкий. – Я в этих делах мало что понимаю.

– Недосуг императору! Он сейчас охотой увлекается. Псовая охота ныне в моде, – затем, понизив голос, воевода добавил: – Не нравится мне это затишье. Голова тут в ярости проговорился, что у него сильные сторонники в Сенате имеются, а я, мол, его дело торможу.

– Что же ты мне посоветуешь! Как от Шестакова избавиться? – спросил не на шутку встревоженный Павлуцкий.

– А вели удавить его али опоить чем, – как бы в шутку предложил воевода.

– Что ты! – капитан даже перекрестился. – Душегубства не допущу! Тут другое что-то надо.

– Тогда давай отпустим его с Богом в Охотск, раз он туда рвется. Людишек у него мало, только и хватит ладьями управлять. Пускай по морям шастает да земли новые проведывает. А ты прямо на Анадырь иди: замиришь чукчей – вся слава твоя.

– Вот и добро, выход достойный, – облегченно вымолвил капитан Павлуцкий.

В июне 1729 года казачий голова после годичной отсидки в Якутске отбыл с частью экспедиции в Охотск. Это уже был порт на дальнем восточном море, прозываемом тогда Ламским (от тунгусского слова «лам», означающего «море»). Еще его называли Камчатским, так что в дальнейшем повествовании ныне Охотское море будет прозываться Ламским, а иногда и Камчатским.

7

С уходом Шестакова и Павлуцкий задумался о делах государевых. Но, будучи человеком сугубо военным и не ведающим о высших интересах государства Российского, свои задачи видел лишь в баталиях с немирными иноземцами.

В составе Тобольского драгунского полка ему неоднократно приходилось участвовать в походах против взбунтовавшихся башкир, казахов, калмыков. Однако то были карательные маневры, а инородцы о тотальной борьбе и не помышляли. Отдельные племена, согнанные со своих пастбищ сильными соседями, вторгались в российские пределы в основном от голодухи, дабы, пограбив и прихватив полон на продажу, откочевать в дальние степи. Они беспокоились о сохранении своего рода и при серьезной опасности попросту уклонялись от боя. У Великой сибирской степи нет края. Здесь кочует много племен, и всем хватает места.

Глубоко ошибался капитан Павлуцкий, сравнивая ордынцев Великой степи с чукчами и камчадалами, живущими тысячелетиями на своих территориях и даже на подсознательном уровне не представляющими возможности уйти из родных мест. Их религия также определяет ценность человеческой жизни способностью сохранять единство родового племени и своих территорий. Тем не менее капитан, самонадеянно не усматривая для себя никаких проблем в предстоящем походе, все же нуждался хотя бы в простейшем плане военной операции.

Советы воеводы Полуэктова и фрагменты из основательного, детально разработанного прожекта казачьего головы позволили Павлуцкому скомпилировать свой план. Он был прост.

Перво-наперво в Анадырский острог был направлен отряд из шестидесяти человек во главе с подпрапорщиком Макаровым. Этот острог, что определялся Шестаковым как главная опорная база, должен был занят людьми Павлуцкого. Капитану самому надлежит оттуда руководить баталией.

Чуть позже, дождавшись звания сотника, в Нижнеколымский острог увел своих людей Шипицын. Вот только наказы казачьего головы насчет морского плавания, к великой радости новоиспеченного сотника, были отменены Павлуцким полностью.

Капитан драгунского полка в жизни не видел моря и не имел представления о морском деле. Морские офицеры Генс, Федоров, Гвоздев, коварством переманенные из команды Шестакова, в действительности оказались ему совершенно неинтересны.

– Им нельзя доверить команду даже ротой солдат, – насмешничал драгунский капитан в компании офицеров.

Вскоре своим ордером Павлуцкий отправляет морских офицеров во главе со штурманом Генсом вслед за Шестаковым в Охотск, что сделано было не по доброте душевной, а из стремления избавиться от лишней обузы.

Все вроде как-то складывалось. Но Павлуцкий по-прежнему оставался в Якутске – и неспроста. Указ императрицы четко предписывал прибыть в Охотск Шестакову и ему одновременно. Как человек военный драгунский капитан сознавал, что нарушает приказ и насколько суровыми – вплоть до смертной казни – могут быть последствия.

Но в Охотск-то ему дорога заказана: там уже хозяйничает казачий голова. Воевода Полуэктов, этот старый битый интриган, видя смятение Павлуцкого, успокоил его:

– Ты, капитан, послушай старика. Мы от столицы шибко далеко, страшно даже подумать. Здесь от случая или судьбинушки нашей горькой более зависишь, чем от государевых указов. Ты же в Анадырь за викторией рвешься, а государь победителей не казнит. К тому же опять Русь без должного пригляда, будто и есть в ней лишь столица да престол. Ступай смело, твой день придет, будешь еще майором.

Слова воеводы несколько успокоили капитана. Будущие баталии с чукчами без абсолютной виктории он даже не мыслил. Его драгуны, гвардейцы, казаки признаны лучшими солда-

тами Северной войны, и дикие чукчи при всей своей свирепости виделись жалким противником. Одно-два сражения, и они верноподданно падут к ногам драгунского капитана.

«Замиранный народ и земли чукотские, брошенные к ногам императора Российского, будут достойным искуплением всех моих невольных прегрешения», – заключил в конце концов капитан.

В начале декабря 1729 года капитан Павлуцкий с главными военными силами экспедиции выступил из Якутска. Путь его лежал через Нижнеколымск к Анадырскому острогу.

Опустевший Якутск погрузился в зимнюю спячку.

– Беспокойные ныне времена, – вздыхал воевода Полуэктов. – То Беринг со своими претензиями, то эти драчуны – Павлуцкий с Шестаковым. Благо, что провианта и добра всяческого с ними – кладезь безмерный. Вот и сейчас половина имущества в Якутске брошена: разве столь дотащишь по нашим дорогам? Зато нам достаток перепадает немалый!

8

За делами якутскими все как-то забыли о столице Российской империи. А между тем в это же время в городе на Неве происходили события, которые в ближайшем будущем пополнят ряды героев нашего повествования. Прошу извинить за неточность: столичного статуса Санкт-Петербург никто не лишал. Шутка ли, отменять Петровские указы! Тем не менее при юном императоре Петре II Алексеевиче двор перебрался в Москву, что само собой вернуло ей прежнее главенство. Хотя для Руси иметь две столицы – не диво, коль единой головы-то нет!

Двор перебрался в старый Кремль без особых волнений. Лишь ямщикам да многочисленной челяди пришлось похлопотать на славу: ведь это не шутка – в каретах да на подводах столько знати с имуществом перевезти за тысячу верст!

Ну а дела государственные? Что – дела? Не до них ныне! За переездами так все архивы канцелярские перепутали, что проще сжечь, нежели разобрать. Да и какие дела нынче – время больно веселое. Балы, охота, развлечения всех мастей, как волной, захлестнули высшую аристократию. Победившие старые боярские рода услаждались властью, позволявшей им все, так что, посчитали, дальнейшие деяния им вовсе ни к чему.

Год 1729-й в России оказался на редкость праздным для многих из тех, кому, по здравому разумению, прежде всего следовало озаботиться делами государственными. Даже большая война в Великой степи, что приключилась между джунгарами и казаками, нашими южными соседями, никоим образом не беспокоила знать, настроившуюся на волну довольства и веселья. Каждый член императорской фамилии завел собственный двор и устраивал свою жизнь как заблагорассудится.

Нас сейчас интересует цесаревна Елизавета Петровна. Общеизвестная красавица была любима всеми. Отец Петр Алексеевич боготворил ее, желая выдать замуж не менее как за императора Франции. Матушка Екатерина I надеялась передать ей имперскую власть, но, жестко подавленная Меншиковым, поступилась своим желанием. Император Петр II, малолетний племянник цесаревны, был поклонником обожаемой тетушки. Многие послы европейских держав тайно предлагали ей средства и армии, чтобы узурпировать власть. Но она, девица душевная, веселая и жизнерадостная, сердцем и всеми помыслами своими стремилась к любви. Вот уже несколько лет чувства ее были отданы молодому красавцу, офицеру лейб-гвардии Семеновского полка Алексею Шубину. Их отношения развивались стремительно, страстно и, как им казалось, с серьезными перспективами на будущее.

Переезд в Москву был воспринят Елизаветой и Алексеем с превеликой радостью. Хотя он уже и служил при цесаревне, но, блюдя условности, отношения приходилось скрывать. А тут возможность жить в собственном дворце по собственному укладу.

На деньги, что Елизавета без особого труда выпросила у малолетнего императора, по ее поручению Алексей Шубин приобрел в Подмоскovie на свое имя поместье Александровское, что в нескольких верстах от Сергиева Посада.

Здесь, в Александровской слободе, а точнее, в шести верстах от селения Курганиха и обосновался в просторных и нарядных хоромаш двор Елизаветы Петровны. Жизнь для наших влюбленных превратилась в сплошную усладу: пиры, балы, охота, иные забавы наполняли их досуг.

Оба, страстные неутомимые любовники, они подходили друг другу как нельзя лучше. Пара блистала на балах не только внешней красотой, но и умением выписывать в танцах сложнейшие фигуры и пируэты. Поистине это была самая привлекательная и грациозная пара при дворе Петра II.

Их наезды в Курганиху участились. Обоим влекло сюда желание уединиться для услады любовной, а также насладиться охотой с травлей волков и зайцев. Бешеные лошадиные скачки,

свирепые хищники, выстрелы, кровь – все одинаково будоражило, обостряло чувства влюбленных. Правда, Елизавета предпочитала псовую охоту на зайцев, а Алексей – травлю волков.

Казалось, ничто не нарушит их будущего. Цесаревна, далекая от тщеславных амбиций стать императрицей, не исключала даже возможность тайного венчания, входившего при дворе в моду. Ну, а Шубин, наоборот, видел свою возлюбленную только на троне, а себя возле нее и могуществом затмевающим Меншикова. Он даже повел среди гвардейцев разговоры крамольные, ведь обожаемая Петрова дочь и в армии была весьма любима.

Сильно занесся молодой повеса, забыл свое место. Не заметил, как тучи стали сгущаться над его головой.

Глава четвертая. Афанасий Шестаков

Будем же уважать наше прошлое, ибо без него все мы, как деревья без корней. Будем чтить священную память людей из былого времени с их нелегкой и сложной судьбой.

Валентин Пикуль

1

Батагами, по два-три десятка человек, отправилась партия Шестакова в Охотск. Пошли водой старым проверенным транспортом – на речных стругах вверх по реке Алдан. Оно, может, и подлиннее, чем напрямки по сухопутью, но здесь путь редко измеряют в верстах. Более знакомо, сколько времени проведешь в дороге да сколько груза взять сможешь? В этом отношении река во многом ловчее. Хотя выбора у Афанасия Шестакова и не было. Не подумайте ничего плохого о ямщицком извозе на Руси. Возницы добрались даже в эти дикие места. Правда, дорог еще не было, но выючная тропа от Якутска до Охотска уже пролегла. По берегам рек, через хребты лесистых гор причудливой змейкой петляла она среди таежных дебрей.

Но вот разбрелись ныне ямщики по другим службам: остались, болезные, без лошадей. Четыре года назад, когда Витус Беринг двигался в Охотск, забрал в округе с собой всех лошадей: предпочел прославленный мореход водному пути конскую тягу. Полтысячи лошадей собрал и всех угробил дорогой: одни надорвались, другие от бескормицы пали. До сих пор все колеи их скелетами усеяны. А надо заметить, что лошадь в здешних местах – скотина ценная, и нескоро теперь пополнится ее поголовье.

Название реке Алдан дали тунгусы, проживающие в прибрежных таежных дебрях. В их языке есть слово «олдан» – дословно «бок», что, видимо, надо понимать как «самый большой боковой приток реки Лены». Но там же есть слово «алдун» – «каменистое место». Тоже неплохо подходит к реке, изобилующей каменными утесами и столбами; а уж каменистые, галечные берега, считай, визитная карточка Алдана. Не исключено и тюркское происхождение названия от слова «алтан» – «золото», которое в достатке добывают по руслу реки и ее притоком, но тогда, получается, золотой промысел процветал здесь задолго до прихода русских.

В любом случае место здесь благолепное, и люди селились на берегах Алдана уже многие тысячелетия, доказательством чему – многочисленные наскальные рисунки по побережью.

Нижний Алдан спокоен. Его русло вольготно раскинулось рукавами по долине. Течение чуть заметно, а ширина доходит до нескольких верст. Места уловистые. По осени якутский и прочий люд заготавливают здесь рыбу. А рыба уж всем на диво: река собрала лучшие виды со всей Сибири. Есть все, начиная от плотвы и тугуна, кончая тайменем, нельмой и осетром.

Солнце отчаянно пытается прогреть вечную северную мерзлоту. В это время температура за тридцать градусов. Словно в насмешку над светилом, в тени ущелий, обрывов, прибрежных скал прячутся огромные глыбы льда, но ручейки, предательски журча, выдают их, наполняя округу жизнеутверждающей мелодией. Попутный ветер, раздув паруса, без особого труда справляется с течением. Разомлевшие от жары казаки вяло перебирают снасти. Три последних струга из партии Шестакова идут вверх по Алдану; на переднем – сам казачий голова. Думы думает.

«Не просто все обернулось, – размышлял казак. – Загубили дело изменные и воровские людишки, как теперь выправить? Оружие, справа – все в достатке, а вот людей мало. Не осилить таким число задуманное, не охватить весь огромный край!

Крепко пришлось думу думать. Негде более служилых казаков прибрать, а действовать надо быстро, иначе капитан Павлуцкий и тут делу напортит. Получалось, что выход один – попытаться сформировать объединенный отряд из казаков Охотска, Анадырского острога и Большерецкого, что на Камчатке.

«Ватага хоть и невелика выйдет – от силы десятков пять наберется – но казаки в острогах матерые, каждый двоих, а то и троих стоит», – к такому выводу пришел Шестаков.

Миновали Мамонтову гору: от нее веяло холодом и вечностью, отчего у человека пробежала дрожь по всему телу. В обрыве, высотой несколько десятков саженей, в строгой последовательности, слоями, лежали окаменевшие за миллионы лет останки животных и растений. Пожалуй, кроме Алдана, такого места во всем мире не сыщешь.

В трудах миновал месяц. В июле зачастили дожди: уж так здесь повелось от создания мира. Зимы в этих краях малоснежные, и проливные дожди с половодьем приходятся на летние месяцы. Наполняются водой болота, поднимаются реки, грязь непролазная.

Единственное поселение русских на Алдане – это Охотский перевоз. Небольшое становище раскинулось при впадении в Алдан реки Белой, отсюда и название – Бельская переправа.

Место это выбрано неслучайно. Против Охотского перевоза Алдан течет одним руслом, и здесь ширина реки достигает не более трех сотен сажен. На большие лодки, называемые карбасами, грузят до сотни пудов. Их тянут бичевой вверх, а затем по течению веслами быстро перегоняют на другой берег. Большая вода и течение наилучшим образом способствуют этому.

Поселение, хотя и пустует в нынешнюю лихую годину, но суть ее для сухопутного пути неизменна: самый сложный участок тракта начинался от Бельской переправы. Поэтому здесь, на берегу реки Алдана, путешественники останавливались на короткое время для отдыха и накопления сил. Можно сказать, своего рода ямщицкий стан, где меняли лошадей и имелись станционные служители.

Струги Шестакова прошли мимо Охотского перевоза. Скоро откроется устье реки Мая, там ватага и отдохнет, а за тем уйдет вверх по реке. Впереди еще месяц пути. Надо подняться в верховья реки Мая, далее следовать по Юдоме до Юдомского креста, откуда дорога расходилась надвое. Ежели груза невелико, то сподручнее – по сухопутью до самого Охотска. Дорога нетяжелая и много короче, ну а ежели с грузом – то волоком двадцать верст к верховьям реки Урак. По ней спускались к Ламскому морю до Уракского плотбища, а далее вдоль морского берега до Охотска.

Мелкие речные суда с грузом обычно тянули на этом участке – около двадцати пяти верст – бичевой вдоль берега. Здесь он песчаный, и по отливу идти довольно легко.

Небольшой легкий ветерок, дувший вдоль берега к Охотску, доставил прибывшей экспедиции много радости, облегчая тяжелую работу служилым людям на конечном участке пути.

2

К концу августа 1729 года все грузы и люди во главе Шестакова прибыли в Охотск. После таежных дебрей величественный простор моря всегда смотрится неожиданно и завораживающе, вызывая даже у заглубевших казаков почти детскую радость. Но, несмотря на это, Охотск выглядел бледно. Вытянувшись в линию по низменному песчаному берегу Охотской кошки, редкие строения среди гуртов черного древесного мусора казались серыми и безликими. Растущий по берегу мелкий кедровник, искореженный морскими ветрами, едва ли скрашивал пейзаж. Лишь в стороне виднелись сопки, поросшие лесом. Но картина менялась, когда в поле зрения попадали четыре вооруженных судна под российскими флагами.

С легкой руки Петра Охотск стал первым и пока единственным портом на берегу Ламского моря; по царскому указу адмирал Федор Матвеевич Апраксин направил сюда архангельских мореходов.

В свою бытность двинским воеводой Апраксин хорошо запомнил фамилии потомственных мореходов или, как их там называли, кормчих, поэтому без труда отобрал лучших из числа поморских рекрутов, что направлялись матросами на Балтийские корабли.

Он не покривил душой перед императором: призвал в Охотскую флотилию лучших. В нее включили кормщиков Никифора Треску, Кондратия Мошкова, Якова Власова-Невейцина, Ивана Бутина, Григория Березина. К ним присоединили и голландца-матроса, взятого в плен на шведском корабле, Генриха Буша. Были направлены в Охотск и корабельные мастера Иван Каргополов, Кирилл Плоских, Варфоломей Федоров и Михаил Кармакулов.

Суровый наказ был дан императором:

– В случае удачи обещать всяческие награды, чины и богатства, а ежели не сыщут морской ход на Камчатку, то быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады.

Поморское слово гласит о мореходах: «Кормщику сердце крепкое надоть, вся печаль промысла морского на нем, по нему на море живут».

Кормщик был и за штурмана, и за капитана. Уже через год после прибытия в Охотск, в 1716 году, была построена лодия «Восток». В тот же год ушли поморы в Ламское море и проведали путь на Камчатский нос. Кормщиком пошел самый опытный из поморов Никифор Треска. Ничего тогда было ему неизвестно о Ламском море – ни расстояния, ни течения, ни ветра, только компас указывал на восток. Великими трудами и лишениями был совершен первый морской ход на Камчатку, положивший начало морскому делу на дальнем восточном побережье государства Российского.

Не чаял Афанасий Федотович в Охотске испытать такую радость. На рейде в ожидании командира Анадырской экспедиции, казачьего головы Шестакова, стояла эскадра морских судов. «Морских» – слово, конечно, чересчур громкое: таковым можно было считать только двухмачтовый гукор-бот «Святой архангел Гавриил», переданный Витусом Берингом. Остальные суда – шитик «Фортуна», боты «Восточный Гавриил» и «Лев» – более подходили для прибрежных походов, правда, прославленные опытные мореходы отваживались выходить на них в открытое море. Теперь все они – Кондратий Мошков, Никифор Треска, Генрих Буш, Иван Бутин – императорским указом приписывались к Анадырской экспедиции.

Интерес к восточному морю со стороны имперской власти во многом определил судьбу Охотска. В устьях рек Охота и ближайших Ураке и Кухте появились верфи, где строились морские суда. Кроме служилого люда закрепились в поселении и постоянные обитатели, причем год от года их число увеличивалось. Занимались огородничеством, животноводством, рыбалкой.

С точки зрения безопасности и удобства географического местоположения, Охотск как нельзя лучше соответствовал требованиям порта: сравнительно удобное сообщение с Якут-

ском, центральное расположение в бассейне Охотского моря, наличие леса и возможность наладить судостроение. Жаль, что лагуна, служившая пристанищем для судов, была незначительна и удовлетворяла лишь мелкие мореходные суда, хотя во времена Камчатских экспедиций более и не требовалось. Наперед ни о чем не думали – и напрасно, поскольку эта беспечность в дальнейшем отразилась на судьбе Охотского порта.

За последние годы Охотск расширился и стал походить на большое приморское поселение; основными занятиями служилых были мореплавание, рыболовство и военная подготовка. Трудились и на судостроительных верфях, заготавливали лес. Суда стали регулярно ходить на Камчатку, перевозя людей и грузы для тамошних острогов.

3

Возле устья Охоты, рядом с верфью, людьми Беринга был построен поселок. Не скажешь, что добротно – так, на скорую руку. Ныне он за ненадобностью пустовал без догляда. В нем и расположился Афанасий Шестаков со своей экспедицией.

Комиссар Охотского острога Семен Лыткин встретил Афанасия со всей любезностью. Об их дразгах с Павлуцким, как и о существовании самого драгунского капитана, комиссар еще не слышал, за что и слава Богу. О прибытии экспедиции он был предупрежден письмом Сената, где казачий голова Афанасий Федотович Шестаков значился главой экспедиции. Семену Лыткину вменялось в обязанность передать предписанное документом имущество, корабли и людей, а все требования головы, касательные экспедиции, выполнять незамедлительно, что он исполнил с должным усердием.

Пока казаки чинили крыши изб, конопатили стены, затягивали рыбьим пузырем окна, казачий голова приводил свои мысли в порядок. Казалось, нервы Шестакова выдержали все неприятности, что свалились на него, и за дорожными хлопотами свойственное ему от природы железное спокойствие возвратилось. Интриги, что отравляли его существование на протяжении всего пути от Тобольска до Охотска, похоже, отступили; и его главный враг капитан Павлуцкий оставил его в покое. Теперь он среди друзей и соратников.

Через несколько дней после прибытия Афанасий Шестаков собрал тайный совет. На нем присутствовали самые верные ему люди: прежде всего сын Василий Афанасьевич и племянник Иван Григорьевич Шестаковы. Кроме них приглашен был и неоднократно доказавший свою верность казачьему голове матрос Леонид Петров.

– Так уж сложилось, дети мои, что быть вам офицерами под моим началом. Тебе, Иван, не привыкать: как-никак во дворянстве состоишь, а уж вам, хлопцы, придется постараться.

Более всех диву дался Ленька:

– Батюшка, помилуй! Да куда мне, матросу, в офицера? Никто признавать не будет, засмеют!

– Не бойся, Леня! Назначаю тебя главным квартирмейстером. Люба мне твоя верность! Сиди тут в Охотске и охраняй наше добро, а то растащат воровские людишки. А ежели велю, то враз шли вооружение да харчи или другое что, куда укажу! А еще к весне подготовишь снаряжение судовое и будешь коч да лодки ладить в устье Урака.

– Ну, то ладно, – Петров даже грудь расправил, – квартирмейстером можно! Только грамоту на то отпиши!

– Будет тебе на то грамота с подписью и печатью, – с улыбкой пообещал Афанасий.

Казачий голова долго молчал, уйдя в свои мысли, в то время как молодые Шестаковы с волнением ожидали своей участи, перебирая самые немыслимые варианты.

Но этого так и не произошло. Тайное совещание было неожиданно прервано. Раздавшийся крик дозорного и удар сигнального колокола возвестил о движении вдоль Охотской кошки неизвестных судов.

Скоро в подзорную трубу они стали различимы, и среди служилых и проводников Афанасий, к своему огромному удивлению и тревоге, различил штурмана Генса и подштурмана Федорова. Но сколько более ни вглядывался, капитана Павлуцкого среди них не было.

– Теперь уж не до совещания, – вздохнул Афанасий, – надо выяснить, с чем господа офицеры прибыли.

Начался отлив. На Ламском море они удивительно сильны. На сотни саженей вода уходит от привычной береговой линии. То прибывшим путникам большое подспорье: по мелководью напрямик они скоро достигли Охотска.

По прибытии, не дав штурманам даже переодеться с дороги, казаки сразу сопроводили их в избу казачьего головы.

Подавленный и усталый вид морских офицеров вернул Афанасию Шестакову спокойствие.

– С чем пожаловали в Охотск, господа?

– Орденом капитана Павлуцкого назначены командирами на суда Охотской флотилии, – по обязанности старшего не совсем уверенно доложил Якоб Генс.

Присутствующие в предвестии бури затаили дыхание. Федоров стоял, отрешенно уставившись в пол. Остальные взволнованно ждали команду, если не растерзать, то, по крайней мере, арестовать наглецов.

Афанасий Шестаков с трудом погасил вспыхнувшую ярость. Это удалось не сразу, и злобная тишина повисла в воздухе.

Еле сдерживаясь, хриплым голосом Шестаков продолжал расспрашивать:

– Что же не видать среди вас Гвоздева?

– Заболел он дорогой, задержался. При нем оставили казаков и проводника, по излечении будет здесь, – заговорил Федоров, до этого казавшийся немым.

– А что же Павлуцкий? Все в Якутске прохлаждается? Неужто под смертный указ Его Императорского Величества за неподчинение и дела изменные угодить хочет?

Последняя фраза была произнесена с такой явной угрозой, что охотский комиссар Семен Лыткин подальше от греха незаметно выскользнул из избы.

Якоб Генс, ловкий плут и расчетливый негодяй, несмотря на личную обиду по отношению к капитану, отчаянным трусом не был.

– Капитан Павлуцкий, главный командир экспедиции, изволит отбыть с воинским отрядом по зимнику в Анадырский острог для умирения тамошних инородцев, – доложил он вызывающе.

– А вас, значить, за ненадобностью ко мне отправил, да еще наглости набрался ордер отписать, – в тон ему отвечал Шестаков.

Неожиданно для себя он почувствовал некоторое успокоение и даже веселость. Происходящее стало казаться ему просто комичным.

– Послушайте меня внимательно, господа офицеры, – начал он с легкой улыбкой. – Вы, господин Федоров, поступаете ко мне на службу в качестве штурмана! Согласны?

– Я нахожусь в подчинении штурмана Якоба Генса и не волен принимать таких решений, – вяло ответил Федоров.

– Вот и хорошо! – воскликнул Шестаков. – Оставайтесь, господа морские офицеры, на берегу. А вы, господин штурман Якоб Генс, проваливайте прочь. Делайте что угодно, но ежели от вас будет хоть малейший вред делам моим, пеняйте на себя: в кандалы закую и запорю насмерть! И не попадайтесь на глаза. От вашего вида у меня колики начинаются, а в припадке и зарубить могу ненароком.

4

Василия Шестакова в последнее время сильно беспокоило поведение отца: характер у него стал вспыльчив, настроение от депрессивного до веселого может на дню несколько раз поменяться, а то в ярость придет без должной на то причины. Стал скрытным: планы экспедиции в тайне держит. Да и то право, настрадался Афанасий Шестаков вдоволь, потрепал нервы, вот и срывается. Ничего, время и свежий морской воздух излечат.

Хорошо, что Генс из Охотска съехал. Поговаривают, поселился на небольшом зимовье, верстах в тридцати от острога, пьянствует беспробудно с местным тунгусским князьком Олаем.

Подготовка судов к навигации шла полным ходом. Первым был готов к плаванию гукорбот «Святой архангел Гавриил». Построен был бот на Камчатке в 1728 году по указанию Витуса Беринга. Прославленный мореход пришел в ужас, узрев предназначенные ему суда. Пришлось срочно принимать меры, и в итоге появился сей корабль.

Надо отметить, что получился он удачным, отличался неплохими судоходными качествами и долгое время являлся крупнейшим русским судном на всем восточном побережье. При строительстве бота на корме установили дополнительную небольшую мачту с одним парусом. Ходу он особо не прибавил, но маневренность судна стала значительно лучше. На нем удобно стало заходить в небольшие бухты и курсировать среди прибрежных скал, а это первейшая надобность при описании неведомых берегов. И оснащенность оружием значительная: четыре пушки и по паре трехфунтовых фальконетов, по каждому фальшборту установленных на вертлюгах. Вот только пушкарей всегда не хватало – и палил из пушек кто ни попадя.

Афанасий Шестаков доверил командование судном племяннику Ивану Григорьевичу. Команду собрал добрую и морехода охотского подыскал неплохого из молодых. Те, что старше и гораздо опытнее, надорвались на службе у Беринга, расхворались. Оклемаются ли?

Сейчас, стоя на палубе «Святого Гавриила», Афанасий прочувствованно прощался с командой.

– Дети мои, друзья, братья! Вы идете в море по велению покойной императрицы Екатерины, любимой жены Петра Великого! Велела матушка-императрица утвердить российские владения на восточном побережье. Разведать о них все доподлинно – какие там острова и народы и под чьими владениями состоят, и торг с кем имеют ли, и чем? Государственной важности дело, и оно поручается вам! Пойдете на Юг вдоль побережья Ламского моря далее, чем ныне хожено. Опишите в подробностях все реки и побережья, посчитайте населяющих их иноземцев. Осмотрите Шантарские острова и пройдете вдоль Курильских островов до Большерецкого острога, а оттуда в Нижнекамчатский острог. Там станете на ремонт, а далее путь вам на Большую землю, что открыть наказывал еще Петр Великий.

На палубе «Святого Гавриила» грянуло дружное «Ура!». Матросы и служилые ликовали, получив по чарке крепкого вина.

На следующий день судно покинуло Охотск. С попутным ветром оно быстро скрылось за горизонтом, оставив на берегу легкую грусть расставанья и тень зависти.

Племянник казачьего головы, Иван Григорьевич Шестаков, стоял на носу бота «Святой Гавриил». Его обуревали гордость и самолюбивые мечты: «Шутка ли! На этом месте несколько лет назад находился командор Витус Беринг. Ему многое не удалось свершить. Но мне, Ивану Шестакову, без малейшего сомнения, все под силу. У меня отличный корабль, надежно оснащенный оружием, под моей командой прекрасный экипаж. На боте пять дюжин служилых казаков, и все отчаянные храбрецы!»

Да, не поскупился Афанасий Шестаков, лучших казаков отдал племяннику, да и числом не обидел. Помнил племянник последнюю просьбу дяди Афанасия: вернуться через год в Большерецкий острог и своими людьми пополнить гарнизон, так как он собирается нынче оттуда

часть служилых перевести в Анадырь. Но этот наказ казался Ивану совсем незначительным в сравнении с его собственными грандиозными планами.

5

В эти дни Охотск бурлил, будто кипящий казан. Приказчик Охотска Семен Лыткин сбился с ног, выдавая с государевых складов судовое имущество и оснастку. Следом за «Святым архангелом Гавриилом» уходил в плавание бот «Фортуна». Командовал им сын головы, Василий Афанасьевич Шестаков, возраста чуть более пятнадцати лет, но уже казак, служилый человек. В помощь ему подобрали бывалого расторопного казака Андрея Шергина, родом из архангельских поморов.

– Ты уж присмотри за сыном, – попросил его Афанасий на прощание, – не опытен еще, молод, в морском деле мало сведущ. Сохранишь парня, обучишь делу – я в долгу не останусь, сочтемся.

– Не кручинься, Афанасий, не рви сердце! И сына сохраню, и дела справим.

Боту «Фортуна» поручалось, курсируя по Ламскому морю, обеспечивать связь между Большерецким острогом на Камчатке и Охотском, перевозку людей и грузов. Сыну Афанасий дал таков тайный наказ:

– По прибытии в Большерецк передай тамошнему приказчику, чтобы слал отряд казаков сухопутьем на реку Гижигу. Там острог будем ставить, там и дожидаться подмоги. Пускай кликнет добровольцев из других камчатских острогов, сколь уж сможет по их разумению. Скажи, на Анадырь пойдем. Оклады плачу двойные вперед за год. А служилых в острог Иван доставит на «Святом Гаврииле» к следующей осени, опосля морского похода.

Вскоре за «Фортуной» отчалил бот «Восточный Гавриил». Под командой самого казачьего головы корабельщики отправились вдоль побережья на север к Пенжинскому заливу, в земли немирных инородцев. С Афанасием пошел и охотский мореход Никифор Треска, не из самых молодых, а все же пошел. Оставил свой дом, что отстроил в южной части Охотской кошки, и убыл в море.

Пенжинское море для мореходства весьма опасное. Хотя август и сентябрь считаются здесь самыми добрыми месяцами, но следом задуют ветра, заволнуется море, и тогда не жди от него добра. Говорил мореход об этом Афанасию, да тот не послушал его: слишком много времени потеряно впустую.

Последней покинула ставку лодия «Лев» под командой пятидесятника Ивана Лебедева. В ордере, выданным Шестаковым, значилось: «Следовать с командой на лодии «Лев» на реку Гижигу, где, усмотрев удобное место, ставить острог и дожидаться моего прихода со товарищами».

Три дюжины казаков выделил Шестаков для строительства острога, разумея, что укрепление на Гижиге станет отправной базой для похода на Анадырь; именно сюда прибудет помощь из Большерецкого и Верхнекамчатского острогов.

Опустел Охотск, затих. Всех служилых, больных и немощных забрал с собой голова. На борту бота разместилось людей чуть меньше сотни. Ватага получилась числом немалая, хотя служилых казаков с трудом десятка два набиралось: все более тунгусы якуты и ительмены – коренные жители Камчатки, что неведомо как прижились в Охотске.

Трудно корить, судить Шестакова за допущенные ошибки, когда столь очевидно его неудержимое желание осуществить задуманное. Суда уходили в море навстречу осенним штормами без опытных капитанов, штурманов и геодезистов. Лучше бы вообще ничего не предпринимать, подчиниться сложившимся обстоятельствам. Только не в характере Афанасия было отступать, с упорством безумца он продолжал рваться к намеченной цели. Хитроумный план казачьего головы давал ему некоторые шансы на победу – может, и не было у него других вариантов, но все отныне зависело от каждого участника этого действия. И здесь случай, а еще более Господь Бог стали занимать ведущие роли.

6

Чем дальше продвигался «Восточный Гавриил» на север, тем сильнее становились порывы ветра. На десятый день пути направление ветра стало меняться: дувший с кормы, теперь он наяривал сбоку. Мореход Никифор Треска неотлучно стоял у штурвала, непрерывно меняя галсы, обходя береговые мысы и подводные скалы. Новый бот, скрипя всеми суставами корпуса, кренясь то на правый, то на левый борт, с трудом полз вдоль берега. Никифору не раз приходилось идти этим курсом, и опытный мореход помнил буквально каждый поворот береговой линии.

– Скоро полуостров Кони! – крикнул Никифор, стараясь перекрыть шум ветра. – За его мысом ветер аккурат встречным будет. Надо переждать.

– Когда налетит, тогда и пристанем в ближайшей бухте, а пока есть возможность – вперед! – приказал Шестаков.

Вот и мыс. Укрывшись за ним от ветра, ладья сбавила ход и, подгоняемая легким бризом, плавно обогнула скалу. Вынырнув из-за нее, «Восточный Гавриил», как и предупреждал Треска, попал под шквалистый встречный ветер.

Его порывы ударили в паруса, играючи, развернули бот и понесли его в обратном направлении. Удар был настолько сильный, что верхняя рея треснула и, упав на палубу, накрыла ее парусом. Но разыгравшийся не на шутку ветродуй на этом не успокоился. Потрепав жесткое полотнище паруса, он запузирил его, затем вздыбил, поднял в воздух и, порвав веревочные снасти, унес в открытое море.

Теперь неуправляемое судно оказалось в полной зависимости от урагана и волн. Треске с помощью штурвала удалось развернуть бот и поставить его на волну. Казаки установили весла и, выгребая изо всех сил, выполняли команды морехода. Скоро, не выдержав нагрузки, судно дало течь.

– Будем выбрасываться на берег – как раз время прилива! – выкрикнул Треска, высматривая подходящую песчаную кошку.

Тонущий бот, увлекаемый в пучину безжалостной стихией, с отчаянной решимостью пытался прорваться в бухту. Однако вскоре судно стало цеплять килем дно, а затем, зарывшись в прибрежный песок, завалилось на борт.

Слава Господу Богу и архангелу Гавриилу, что все на этот раз обошлось. Казаки спешно, чуть ли не бегом, разгрузили бот. Шутка ли – остаться на диком берегу без провианта и оружия! Затем облегченную посудину всем миром поставили на киль, предоставив Треске для осмотра.

Поврежденное судно, подмоченное имущество и несколько легких увечий – совсем малая цена за спасение. Когда закончились первые хлопоты, а страсти улеглись, собрались на совет.

– Что это за место? – спросил Шестаков, заполняя бортовой журнал.

– Остров, что виден в море, именуется мореходами Талан, а вот бухта и сей злосчастный мыс безымянны, – отвечал Треска.

– Так и запишем: «У безымянной бухты против острова Талан», – пробормотал голова и вновь любопытствовал: – А далече еще до Тауйского острога?

– При попутном ветре морем два дня ходу.

– Значить, недалече! Это хорошо! Оставляю тебе трех служилых, что плотницким делом владеют, и якутов дюжину для подмоги. Починишь бот, дождешься попутного ветра и пойдешь в Тауйский острог. А я уж с людьми – берегом, по сухопутью, так надежнее будет, – распорядился казачий голова.

7

К концу сентября 1729 года все участники похода на Анадырь собрались в Тауйском остроге. Шестаков сотоварищи благополучно добрал берегом, туда же явился отремонтированный на скорую руку бот «Восточный Гавриил». Вскоре в Тауйский острог пришла и лодия «Лев», что следовала с людьми на реку Гижигу для строительства острога.

Было Афанасию над чем задуматься: «От Охотска отошли совсем малость, ведь Тауйский острог ближайший к нему по побережью. А уже кораблекрушение! Сколь удобно хаживать по морям, столь и ненадежно. Ладно, что все живы остались, а все же часть провианта искупали в морской воде».

Треска после осмотра бота заявил, что далее идти на «Восточном Гаврииле» никак не возможно.

– Добро, если обратно до Охотска дойдет, а там на верфи надо чинить.

Сгрузив все имущество экспедиции, не теряя времени, «Восточный Гавриил» повернул обратно в Охотск. Итак, бот, построенный менее года назад, рассыпался при первом шторме. Забегая вперед, к месту будет сообщить об официальном донесении подштурмана Федорова штурману Генсу, что было отписано им за бездельем: «Судно «Восточный Гавриил» пришло в Охотский порт весьма дряхло. У оногo судна после разбою на Тауе с казачьим головою Афанасием Шестаковым в правом боку неподалеку от киля кокоры все переломаны. Бот поставлен в устье реки Урака для починки корпуса».

Для экспедиции потеря судна оказалась серьезной проблемой: запасы продовольствия, оружия, прочего скарба были настолько велики, что доставка их по суше до Пенжинской губы – это более тысячи верст – не представлялась возможной.

У местных коряков и тунгусов можно было найти оленей, собак, нарты с упряжью, но малое число русских не позволяло обеспечить сохранность имущества. Обоз растянется на десятки верст. Иностранцам, что без догляда будут управлять упряжкой, появится великий соблазн сбежать, прихватив с собой добро. Ведь для них этот груз бесценен, а моральный кодекс на этот счет свой, так что, кроме страха, причин, удерживающих от воровства, там точно нет. Тайга большая. Откочуешь куда подальше и станешь владельцем, к примеру, медного котла или кованого топора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.